

Санкт-Петербургский государственный университет

Н.Н. Глубоковский как историк религии и богослов

Выпускная квалификационная работа по направлению подготовки

47.04.03 «Религиоведение»

Основная образовательная программа магистратуры «Религиоведение»

Исполнитель

Андрианов Илья Александрович

Научный руководитель

доктор исторических наук, профессор кафедры философии
религии и религиоведения института философии СПбГУ

Фирсов Сергей Львович

Рецензент

кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Государственного музея истории религии

Карпов Александр Владимирович

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение.

Для того чтобы сформировать представление об эпохе, исследователю необходимо иметь под рукой не только многообразие фактов, причинно-следственные связи самого исторического процесса и спектр источников, но и того главного двигателя, что «запускает» маховик истории, т.е., конечно человека. Именно, из действующих лиц прошлого, их поступков и решений, мы и можем формировать свой взгляд на минувшие события, которые происходили, в большинстве случаев, под действием именно человеческого фактора. Таким образом, конструирование контекста, немислимо без рассмотрения жизни людей, определявших этот контекст, становящихся кусочком, причем, всегда и, безусловно, важным в мозаике ушедших лет. Понимание значения начала прошлого столетия, его определяющей роли в российской истории, масштаба произошедших в ней перемен, сопоставления того что было, и что пришло на смену, немислимо без изучения личностей, определявших и созидавших «интеллектуальный» образ «старой» России. Это представление, особенно в последующие годы, было уничтожено машиной пропаганды и идеологии, сведшей многообразие и разномыслие, в том числе в представлениях о прошлом к унификации и стереотипности.

Религиозность, духовное образование и огромный пласт исследователей и исследований в областях, противоречащих идеям исторического материализма, были на долгое время оттеснены из пространства не только научной, но и бытовой жизни. А ведь именно рассмотрение этой части русского общества, с ее разносторонней образованностью, живым и понимающим взглядом на происходящие, в том числе, трагические события, с их масштабным научным и литературным наследием, помогает нам по-новому смотреть на свою историю, на те процессы, которые, с первого взгляда, могут казаться лишь частью дискурса, к которому мы присовокупляем, порой не относящиеся к нему элементы. С другой стороны, в понимании таких личностей не должны происходить и процессы их канонизации и идеализации, как, априори, относящихся к «прекрасной эпохе» расцвета единственно лучшего, «старого порядка», в противовес пришедшему хаосу. Их роль должна оцениваться объективно и непредвзято, учитывая и совершенные ошибки, и, возможно, некую ангажированность во взглядах, но понимая и положительные стороны, то, в чем они были новаторами.

Исследование российской богословской науки и ее виднейших представителей для сегодняшнего дня есть проблема, безусловно, актуальная. В условиях возрастания внешнего влияния Русской Православной Церкви как социального института на общественную жизнь и процессы в современной России, необходимо не забывать о потенциально созидающем элементе в церковной жизни: духовном образовании и богословской науке, а говоря более глобально, но не менее важно, в вопросе кадровом, наличии образованного и ученого сегмента в теле Церкви. Наличие той ее части, которая, занимаясь научными вопросами, выходит за пределы своего рода клерикальной «башни из слоновой кости» и ищет диалога с представителями светского ученого сообщества, находится в постоянном и плодотворном взаимодействии, представляя, таким образом, религиозное пространство как открытую площадку для сотрудничества, налаживая контакт в столь

проблемной для современной Церкви среде образования. Прошлое дает нам пример, в котором объединяются столь необходимые для современной церковной науки составляющие. Пример этот: плеяда русских ученых, богословов и историков, творивших в конце позапрошлого – начале прошлого века. Всесторонняя образованность, широкий кругозор, взаимодействие с зарубежными учеными, научные подходы к сложным теологическим вопросам, заинтересованность в динамичном развитии, «живом» существовании богословских дисциплин в противовес их «мертвой» консервации, вот те качества, что отличали и отличают действительно ученого от людей, являющихся им лишь в своем имени, но не в своем деле. Одним из известнейших и виднейших представителей русской духовной учености был Николай Никанорович Глубоковский, историк религии, богослов, профессор Санкт-Петербургской духовной академии. Изучение его жизненного пути, и плода его жизни, множества научных трудов и исследований, позволят не только проследить судьбы богословской науки в России в начале прошлого века, но и покажут достойный пример для науки современной. Именно в работах раскрывается не только его приверженность определенной традиции, но и более глубокие пласты личности, связанные, в том числе, с взглядами на многие актуальные научные и религиозные проблемы того времени, более того, в своих трудах Глубоковский исповедует веру, и богословски, а в его понимании, даже научно, выступает ее апологетом.

Объектом данного исследования является личность Н.Н. Глубоковского как историка религии и богослова, его научные и религиозные взгляды через призму трудов, написанных им на протяжении жизни. Предметом служат исторические и богословские работы Н.Н. Глубоковского, по преимуществу, наиболее фундаментальные и показательные, с точки зрения, формирования представления о нем как об ученом. Целью работы является формирование представления о Глубоковском как об исследователе, а через него, и о состоянии богословской и церковно-исторической науки в России на рубеже

девятнадцатого и двадцатого веков. Работа имеет преимущественно источниковедческий характер, основной упор сделан не на биографические вехи жизни ученого, но на его творчество, основные исследования, в которых он предстает как идейный продолжатель православной богословской традиции, однако, не просто использующий накопленный предшественниками опыт, но формирующий новый взгляд как на отношения к источнику, так и на отношения к предмету, в источнике описанному. Несмотря на сильное влияние традиции, и основе исследования на церковном предании, Глубоковский видит за священностью текста историю, контекст в котором он писался, и автора, что его творил. Даже в русле «религиозного дискурса», он не умаляет, но утверждает значение научности, как важного фактора любого, в том числе церковного исследования.

Глава 1. Жизнь Н.Н. Глубоковского и труды о нем.

§ 1. Вехи жизненного пути Н.Н. Глубоковского.

Родившись в 1863 году на погосте Кичменский городок Никольского уезда Вологодской губернии¹, сын священника Никанора Глубоковского, Николай, по своему происхождению, материальному положению семьи, трудным условиям детства, рано потеряв отца, и, по сути, оставшись предоставленным сам себе, мог выбрать путь простого деревенского пастуха², но стал профессором Санкт-Петербургской духовной академии, выдающемся церковным историком и библеистом. В чем же заключается парадокс, что двигало сыном сельского священника, в его пути даже не к успешному церковному служению в сане, но именно к научной богословской

¹ Богданова Т.А., Клементьев А.К. Глубоковский Николай Никанорович // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. XI. С. 601.

² Богданова Т.А. Н.Н. Глубоковский. Судьба христианского ученого. С. 23.

карьере, сопряженной с литературной деятельностью, изучением многих языков, и, в конечном счете, преподаванию в духовных школах. Здесь нельзя усматривать только пресловутое желание выбраться из социальных низов, преодолеть преграду необеспеченности, и снискать себе земную славу, хотя сам герой и упоминает о мотиве не уступать в успехах своим братьям, также иметь «фамильный гонор»³, однако подобная логика могла привести и к менее серьезным результатам, которыми известен Глубоковский. Безусловно, он руководствовался тягой к знанию, желанием изучать и исследовать, открывать новое и спорить со старым. И в данном случае нельзя говорить об определенном, ярко выраженном таланте, самородке, который покоряет знания с легкостью и воодушевлением, - Глубоковский берет науку приступом, кропотливым трудом и многими годами честной учебы, постоянно сталкиваясь с препятствиями и трудностями. Рассматривая его биографию, мы видим сложный, можно даже сказать, тернистый путь к знанию. Глубоковский проходит все этапы духовного образования – от воскресной школы, через духовное училище и провинциальную семинарию к Московской академии. При поступлении на первую ступень духовного образования, его берут лишь на подготовительный курс, отмечая слабую подготовку, само преподавание с профессиональной точки зрения ведется разнообразно, в зависимости от педагогов и дисциплин, но ревность к учебе, трудолюбие и усидчивость помогают Глубоковскому даже в таких скромных условиях приобщаться сокровищнице знаний. В Вологодскую семинарию поступает студент, осознанно выбравший свой путь, и положивший на него многие силы и заботы. Именно в годы семинарской учебы Глубоковский осознает недостатки системы, в которой он, в дальнейшем будет трудиться, и которую он, по мере своих сил и возможностей, начиная с собственного примера, попытается изменить. Он возьмет на вооружение принцип, далеко не всегда рассматривавшийся учителями в отношении подопечных, - давать

³ Там же. С. 40.

им мыслить самостоятельно, принося тем общественную пользу⁴. В его первых сочинениях находят много лишнего, наносного, но встречаются много и дельных мыслей, усматривают зарождающийся ум человека, поднимающего серьезные богословские, даже философские проблемы, в том числе по таким злободневным, политическим темам, как социализм и атеизм. В своей выпускной речи, Глубоковский, не только для товарищей – будущих священнослужителей, но и для себя, ставит высокие цели, обязывающие его к многотрудной деятельности. По его мнению, своими последующими трудами, необходимо «поднять темные массы на высоту своего христианского призвания и просветить светом Евангельского учения»⁵; он видит свое дело как дело Божье, которым будет подниматься сам дух эпохи. Интересные мысли высказываются им и по поводу пастырства и церковной миссии в простом народе, - здесь необходимо действовать энергично, быть «ближе к земле», рассматривать свою паству не как нечто неподвижное и костное, не обличать ее, но любить. Он произносит важный посыл, который им самим будет использоваться в дальнейшем – на протяжении всей жизни необходимо самовоспитываться и самообразовываться.

Следующим местом его обучения становится один из центров богословской науки дореволюционной России – Московская духовная академия, где он вновь блистает своей ученостью и талантами, и зарекомендовывает себя весьма даровитым студентом. Однако, неожиданно, его отчисляют с последнего курса, ввиду неприятного казуса с академическим начальством, хоть официальной причиной и значилась болезнь. Из этого конфликта также можно вынести выводы, раскрывающие отношение Глубоковского к актуальным проблемам тогдашней Церкви. В первую очередь, что волновало нашего героя - это засилье монашеского элемента в академической среде, причем последний рассматривался им в отрицательном смысле не по своему чину (который Глубоковсим, как

⁴ Там же. С. 56.

⁵ Глубоковский Н.Н. Академические обеты и заветы. С. 131.

православным человеком, почитался), но по тому влиянию, что оказывали некоторые выходцы из него на учебный процесс. По мнению Н.Н. Глубоковского, начальствующие в «святых Академиях» черноризцы не только не занимались наукой, к которой у них не было охоты, но и всячески подавляли здоровый ученый дух, призывая более к благочестию и молитве, но никак не к знанию и науке⁶, превращая тем самым, образовательное учреждение в монастырь. Такая политика способствовала угасанию духовных школ, в которых богословие преподавалось по школьному формально, а моральный дух студенчества смущался реальным поведением семинарских начальников, «предававшихся праздности и лености»⁷, ставящих во главу угла житейский расчет, но никак не аскетический идеал. «Берегись монахов и в особенности архиереев; с ними встречаться не следует!»⁸: так писал наш герой своему племяннику в Вологду. Непросто обстояла история Глубоковского с защитой своих диссертаций, ввиду новых для его времени особенностей данного процесса – количественного увеличения числа проходимых инстанций, повышения строгости и поднадзорности, во избежание наличия в научных работах, элементов, неблагонадежных по отношению к католической православной вере. Его оппонент, Д.Ф. Голубинский, недоуменно высказывается по поводу использования Глубоковским в своей докторской диссертации по апостолу Павлу иностранных трудов⁹ (это учитывая, что его работа, в том числе, была ответом на западную критику), а также иностранных терминов, что заставляет его перепечатать неудобные листы, имеющие «маленькие грешки против святого Православия». Обвиняют Глубоковского в вычурно-

⁶Богданова Т.А. Н.Н. Глубоковский. Судьба христианского ученого. С. 74.

⁷ Там же. С. 77.

⁸ Там же. С. 79.

⁹ Богданова Т.А. Н.Н. Глубоковский: путь церковного учёного (по архивным материалам) // «Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга». С. 140.

тяжеловесном языке его произведений, в слабости текстологической критики, в самом тоне, который был свойственен самообольщенному ментору, в том, что он обходит своих оппонентов софизмами, но не реальными аргументами. На замечания относительно некоторой пристрастности в отношении исследуемых им героев, ученый отвечает – «Нельзя вложить душу в какое-либо дело, не полюбив самого дела, которое, при том же, невольно завладевает вашими лучшими симпатиями, затрагивает самые благородные чувства вашего сердца»¹⁰. Аргумент человека, безусловно, неравнодушного и увлеченного. Другие же ознакомившиеся, напротив, отмечают хороший богословский язык, приведение огромного количества источников, сам масштаб кропотливо проделанной работы. Магистерская диссертация, посвященная епископу Кирскому Феодориту, даже снискала положительный отзыв со стороны западного ученого сообщества, в лице ее представителя, Адольфа Гарнака, что делала славу не только ее автору, но и всей русской богословской науке.

Отдельной, и особенно важной страницей жизни, становится для Н.Н. Глубоковского преподавание в Санкт-Петербургской духовной академии. Именно здесь он реализует свой творческий потенциал как преподавателя и наставника. Противник формализма и рутины, он стремится пробудить в своих студентах интерес к науке. Именно своих питомцев Глубоковский называет «споспешниками академического служения», в котором он много обязан «ревностному усердию и научному одушевлению слушателей»¹¹. Он сознает себя не просто рассказчиком, передатчиком знания, но именно учителем, духовно воздействующим на учеников, творящим своей работой службу Богу, проповедующим истину, исполняющим акт мистический. Много Глубоковский делает для развития духовной школы в России, особенно в эпоху начавшихся перемен, и связанных с ними ожиданий по реформам - он предлагает увеличить семинаристам преподавание

¹⁰ Там же. С. 132.

¹¹ Там же. С. 139.

Священного Писания, как центра всей богословской науки, постоянно участвует в горячей полемике относительно актуальных вопросов академической жизни. Глубоковским тяжело и лично переживаются революционные события 1917 года, последующее закрытие Академии, которую он пытается спасти, объединив с Петроградским университетом, но встречает противодействие властей. В послереволюционные годы его ждет сложное финансовое положение, поиск средств к существованию, должность младшего ассистента на восточном факультете университета, даже работа архивариусом. Обстоятельства склоняют его к отъезду из России, который он предпринимает в 1921 году, и, скитаясь по разным странам, оседает, наконец, в Болгарии, которая и становится его последним пристанищем, вплоть до скоропостижной кончины в 1937 году.

§ 2. Историография работ о Н.Н. Глубоковском.

Личность Николая Никаноровича Глубоковского, его научная, учебная и общественная деятельность, то огромное влияние, что он оказывал на интеллектуальную жизнь России начала прошлого века, остается слабо изученными. Несмотря на интерес к его многочисленным трудам при жизни, признанность в кругах отечественных и зарубежных богословов и исследователей в области Священного Писания и церковной истории, литература о нем весьма скудна, и затрагивает лишь определенные, пусть и немаловажные аспекты биографии. Если располагать историографию с точки зрения хронологии, что кажется наиболее правильным, ввиду развития идей в исследованиях о нашем герое, начать, безусловно, стоит с прижизненных работ. Это, возможно, не исследования о Н.Н. Глубоковском в прямом смысле, а лишь отзывы о его работах, но всё же, отзывы профессиональные, в которых анализируется, а порой и критикуется его точка зрения, рассматривается взгляд ученого на проблемы им описанные. Первая работа, которую можно идентифицировать в данном ключе – труд преподавателя

Винницкой Духовной семинарии, Н.И. Виноградова, «Критико-библиографическое изложение статьи г. Глубоковского «Преображение Господа»», датированная 1889 годом¹². Данная работа представляет собой пересказ (изложение) критико-экзегетического очерка Н.Н. Глубоковского, посвященного евангельскому повествованию о Преображении, дополненный комментариями автора. Не сомневаясь в компетентности и убедительности Глубоковского, Виноградов в протяжении всего текста не только не вступает с ним в критику, но и всячески соглашается с его доводами и позицией. Опровергается критика предвзятости апостолов и ставка на их неспособность не только объективно излагать, но и визуально интерпретировать события Преображения. В довод нелицеприятия очевидцев столь значимого для христианского учения события заносится не их шоковое состояние, но наоборот, ясное видение Христа и его спутников. Страх для автора значит не притупление чувств, но напротив, их обострение, и как следствие, лучшее восприятие происходящего. Далее рассматриваются взгляды на феномен Преображения западноевропейских ученых. Автор соглашается, вслед за Глубоковским, с неточностью как визионерских теорий Неандера и Вейса, так и «грубо-натуралистической гипотезы» Павлюса. Еще большей критике подвергается мифологическая теория Штрауса, ставящая своей целью, по мнению Н.И. Виноградова, дискредитацию евангельского повествования и рассмотрение новозаветных событий через призму их сознательной подгонки под ветхозаветные с целью оправдания мессианства Христа. Отвергая предшествующие точки зрения, автор данного изложения вслед за Глубоковским делает положительное заключение о том, что «священный факт Евангельской истории есть действительно чудесное событие, не совпадающее ни с какими естественными явлениями и не допускающее никакого естественного объяснения». Отдельного упоминания заслуживают отзывы о сочинениях Н.Н. Глубоковского, оставленные известными учеными

¹² См.: Виноградов Н.И. Критико-библиографическое изложение статьи г. Глубоковского Преображение господа ["Правосл. обозрения" №№ 8 и 10-й]. М.: Унив. тип., 1889. 35 с.

богословами и историками, А. Лебедевым, Н. Субботиным, В. Болотовым¹³. Интересна работа последнего, ввиду её важности для получения Глубоковским полной Макарьевской премии, и связанная с первым основательным трудом нашего героя, магистерской работой: «Блаженный Феодорит. Его жизнь и литературная деятельность». Докторская диссертация под названием «Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу», написанная с привлечением огромного количества источников и штудированием более 3000 книг и брошюр на заданную тему, также является важнейшей ступенью в научной деятельности Николая Никаноровича, выводит его на новый уровень известности и признания. Меняется и тон написания работ о его творчестве, принимая более восторженные и панегирические формы. Рецензия на его фундаментальный труд об апостоле Павле, написанная М.Е. Посновым в 1914 году¹⁴, отличается именно такими особенностями: Глубоковский в ней занимает «первенствующее положение среди богословов», в его работе ставится «кардинальнейший вопрос всего христианства». Особую ценность приобретает метод автора диссертации – «самостоятельный экзегезис», филологический и сравнительный анализ терминов, что качественно отличает его от остальной, по преимуществу компилятивной русской богословской науки. Упоминается и своеобразие стиля: книга явно не для послеобеденного чтения, а для тщательного штудирования.

В это же время, ординарный профессор Императорской Санкт-Петербургской Духовной академии отмечает свой первый, «малый» юбилей преподавательской деятельности, 25 лет у кафедры. С этой датой связан выход ряда заметок и статей, освящающих данное событие. К ним относятся

¹³ См.: Болотов В.В. Отзыв о соч. Н. Глубоковского «Блаженный Феодорит, еп. Кирский: Его жизнь и лит. деятельность: Церк.-ист. исслед.» // Христианское Чтение. 1892. Ч. 2. № 7-8. С. 58-164.

¹⁴ См.: Поснов М.Э. Библиография: Н.Н. Глубоковский, ординарный профессор Императорской Санкт-Петербургской духовной академии. «Благовестие святого апостола Павла по его происхождению и существу». Киев, 1914. 9 с.

тексты проф. прот. А. Клитина и В.А. Мелихова¹⁵, посвященные научно-богословской и церковно-общественной деятельности Н.Н. Глубоковского. Первый автор, в своем юбилейном панегирике признанной величине русской богословской мысли, «русскому Оригену», представляет не столько его биографию, сколько научную и литературную деятельность. Важное место отведено его наиболее известным работам по еп. Феодориту и апостолу Павлу, а также работе над темами, связанными с историей Церкви и изучением Нового Завета. Н.Н. Глубоковский называется автором «звездой первой силы и блеска», двигателем всей отечественной богословской науки, неутомимым исследователем, эрудитом, человеком сильного ума и благородной души, не замыкающимся на своих интересах, но активно участвующим в общественной жизни, исполняя поручения епархиального начальства и высшего церковного управления. В.А. Мелихов, наоборот, представляет краткий биографический очерк жизни Н.Н. Глубоковского. Отдельно им упоминается работа Н.Н. Глубоковского над изданием Православной энциклопедии, «украшении русской богословской науки». Автор выделяет в юбиляре не только колоссальную работоспособность и трудолюбие, неутомимую литературную деятельность, но и живое участие в жизни духовных школ, стремление совершенствовать учебный процесс и методы преподавания. Во главу угла, по замечанию В.А. Мелихова, Н.Н. Глубоковским ставилась самостоятельность научной работы, не однобокое изучение и повторение факта, но вычленение из факта мысли, особенно в деле изучения и толкования Нового Завета. Данное замечание, как мы увидим позднее, будет активно цитироваться у тех немногих исследователей, что написали о нашем герое.

Впрочем, в это же время не обходится и без критики. В своей работе «Точный смысл и значение апостольского 34-го правила», изданной в

¹⁵ См.: Мелихов В.А. Н.Н. Глубоковский, проф. СПбДА: По поводу 25-летия его ученой деятельности. Харьков, 1914.

Сергиевом Посаде в 1908 году¹⁶, Н. А. Заозерский, выступает как оппонент Глубоковского по уже названной теме канонического права. Данный труд представляет собой продолжение и раскрытие первой статьи автора за названием «Топографический смысл 34-го Апостольского правила» и одновременно критику на доводы Н.Н. Глубоковского в его работе на ту же тему. Автор подвергает сомнению не только выводы Глубоковского относительно правильной трактовки 34-го Апостольского правила, но и упрекает его в некомпетентности, уходе от рассматриваемых вопросов в угоду «апологетически-разъяснительным примечаниям», где защищается личный ученый авторитет, а не исследуется тема. Обвинения касаются и тона статьи Глубоковского, «бранчивого, раздражительного, напоминающего русскую полемику XVI-XVII веков», а также искажения слов и инсинуации на счет политической неблагонадежности автора. В продолжение своего ответа Н.А. Заозерский приводит веские доводы, основанные на анализе источников III-IV веков (сочинениях примасов церкви), в которых опровергает позицию Глубоковского и делает вывод о неправильном употреблении последним терминов и их переводах, что в конечном итоге дает неверное понимание, как апостольского правила, так и самого понятия властных и авторитетных отношений в ранней Церкви между епископами-примасами, (у Глубоковского – митрополитами) и паствой национальной Церкви. Данные заявления ярко контрастируют с замечаниями других исследователей как о компетентности Глубоковского, так и о его личных качествах, что связано с известным конфликтом между различными кружками в рядах духовного образования Российской империи.

Далее строго отечественная историография о Глубоковском на долгое время хранит молчание, ввиду причин объективно исторических. Однако, за рубежом «светило русского богословия» не забывается, пребывая хоть и в

¹⁶ См.: Заозерский Н.А. Точный смысл и значение апостольского 34-го правила: [По поводу ст. проф. Н. Глубоковского: "Смысл 34-го апост. правила". Богословский вестник, июль-август]. Сергиев Посад: тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1908. 23 с.

скромных условиях, но окруженный почетом и любовью учеников и эмигрантов. Заметки о нём печатаются, как правило, в связи с круглыми датами его жизни и ученой деятельности, как то статьи, посвященные 35 и 40-летним юбилеям педагогической работы, семидесятилетию со дня рождения. Отдельно следует упомянуть многочисленные некрологи на смерть Н.Н. Глубоковского в 1937 году, особенно проникновенное надгробное слово митрополита Софийского Стефана (Георгиева), сказанное им при отпевании, и напечатанное в Церковном вестнике Западно-Европейской епархии¹⁷. В нем говорится о значении столь «величественного столпа Многострадальной Руси» не только для философской мысли, отечественного и мирового богословия, но и для всей России, для самой души её. Исполином возвышаются слова, написанные А.В. Карташевым в «Вестнике РХД» еще в 1928 году об утрате, которую понесло русское богословие в связи с эмиграцией Н.Н. Глубоковского, о трагедии всей церковной науки¹⁸.

Первая, действительно серьезная исследовательская статья была опубликована о нашем герое в 1966 году, на Родине, в «Журнале Московской Патриархии», за авторством А. Игнатьева¹⁹. В ней Глубоковский назван талантливым церковно-общественным деятелем и писателем, автором капитальных трудов и статей, обладающим глубоким исследовательским умом и замечательными критическими способностями. Приведена его полная и содержательная биография, отдельно упомянуто внимание Глубоковского к изучению Евангелия - объединяющего центра всех богословских дисциплин. Упомянуты и проанализированы основные работы, издательства им исследований западных богословов в их переводе на русский язык. Не

¹⁷ См.: Стефан (Георгиев), митр. Проф. доктор Н. Н. Глубоковский: Надгробное слово // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1937. № 6-7. С. 14-18.

¹⁸ Карташев А.В. Путеводитель по русскому богословию // Вестник РХД. №11. 1928. С. 18-20.

¹⁹ См.: Игнатьев А. Памяти Н.Н. Глубоковского // «Журнал Московской Патриархии». 1966. № 8. С. 57-77.

обошла стороной данную статью и вполне популярная для того времени экуменическая тенденция в Русской Православной Церкви. Отдельно упомянут интерес Глубоковского к инославиям, его труды для единения христианских исповеданий, слова о потребности единства Церквей, о том, что православная наука готова пожертвовать всеми «предубеждениями» чтобы в мире утвердилась Единая Святая Соборная и Апостольская Церковь. Также в конце статьи представлен полный список трудов профессора, в хронологическом порядке. Всего 127 единиц, упомянуты также ненайденные документы.

Следующей вехой в исследовании Глубоковского как историка религии и богослова становится статья ректора ЛДА, протоиерея Владимира Сорокина, опубликованная в сборнике, посвященном тысячелетию Крещения Руси в 1989 году²⁰. В ней впервые упомянут архив в ныне Российской Национальной Библиотеке, где «бережно сохраняются оставшиеся после его смерти» материалы, в том числе переписка до 1921 г., заметки, черновики статей, материалы к Богословской энциклопедии, труд «Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии». Также в статье рассказывается о столь масштабном сочинении Глубоковского как «Замечания на славяно-русский текст Евангелия Матфея, Марка, Луки и Иоанна»: титанический труд, объемом около тысячи страниц, с комментариями на каждый стих Четвероевангелия, переданный К.П. Победоносцеву, но им не возвращенный и не опубликованный, а найденный самим автором лишь в 1920 году. Особое внимание уделяется рассмотрению подхода известного богослова к своим исследованиям. По его мнению, первым требованием, должна быть научность, а основой анализа, скажем, Нового Завета, не богослужебный текст, а унциальные кодексы. Критика текста должна проводиться бесспорно, но, по существу. Исследователь

²⁰ Сорокин Вл., прот. Заслуженный проф. Н.Н. Глубоковский и его рукоп. наследие: (К 50-летию со дня кончины) // 1000-летие Крещения Руси: Междунар. церк. науч. конф. М., 1989. Ч. 2. С. 322-327.

должен сторониться «человеческих прилогов или случайных погрешностей». А его работа проводится не механически, а логико-экзегетически, учитывая контекст речи и эпохи. В переводах текста, по мнению Глубоковского, следует избегать парафраза, обходиться не только филологической проницательностью, но улучшать стиль в сравнении с подлинником, однако, храня характерные особенности.

В постсоветское время интерес к религии увеличивается, происходит открытие храмов и духовных образовательных учреждений, вновь поднимаются проблемы богословия и церковной истории. В этой связи возрастает значение трудов и примера столь высоких авторитетов дореволюционной церковной среды, как Н.Н. Глубоковский. В 1990-е годы вновь начинают публиковаться его работы, в том числе ранее неизданные. Появляются статьи в сборнике «Русские писатели-богословы: Библиографический указатель. Исследователи и толкователи Священного Писания», в девятом томе «Православной энциклопедии». Основные труды, посвященные Н.Н. Глубоковскому, выходят из-под пера доктора церковной истории Свято-Сергиевского института, старшего сотрудника Отдела рукописей РНБ, Т.А. Богдановой, защитившей по нашему герою диссертацию, и издавшей монографию и множество статей. На некоторых из них следует остановиться отдельно. Самое монолитное и важное исследование, это книга Богдановой «Н.Н. Глубоковский. Судьба христианского ученого»²¹. Основа данной книги: диссертация на соискание степени доктора церковной истории, защищенная автором в Св. Сергиевском Православном Богословском институте. В исследовании, посвященном, в первую очередь, деятельности Н.Н. Глубоковского как представителя корпорации академического духовного образования, по словам самого автора, освящаются два блока вопросов: «Что собою представляла корпорация «внутри», «для себя»?» и «Чем она была «вовне», «для других», какое

²¹ См.: Богданова Т.А. Н.Н. Глубоковский. Судьба христианского ученого. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 1006 с.

влияние оказывала на разработку церковных реформ и церковной политики в целом, как строились ее взаимоотношения с государственной и церковной властью, с «ученым монашеством», духовенством и светскими учеными, какова была ее роль в обществе?» Для этого «в центр исследования введен» Н.Н. Глубоковский, что дало возможность через сочетание его индивидуальности и общей рассматриваемой картины создать некую историческую «мозаику», срез, где были бы показаны события того времени через призму судьбы христианского ученого. Книга построена по хронологическому принципу, является биографическим трудом. Проблематика раскрывается в соответствии с логикой жизненных вех героя исследования, и таким образом распадается на две объемные части, названные соответственно «В России» и «В беженстве». Основной темой, так сказать, лейтмотивом данного труда, является проблема духовного образования в Российской империи, и участие и влияние Н.Н. Глубоковского на состояние оного. Через повествование о жизни известного богослова и историка, о его преподавательской деятельности и участии в реформе духовного управления, автор хочет передать тенденции, которыми жила профессорско-преподавательская корпорация в предгрозовую эпоху. Данная монография содержит обширные приложения, в которых приводятся архивные материалы о герое исследования, а также непосредственно сами работы Николая Никаноровича, написанные им в беженстве и публикуемые впервые. В конце работы приводится обширный и исчерпывающий библиографический список трудов, посвященных Н.Н. Глубоковскому. Интересна также статья об отношениях Глубоковского и Павла Флоренского, написанная Богдановой в соавторстве с А.К. Клементьевым. Упоминаются их эпизодические контакты, однако личности, несмотря на разность образования и взглядов на жизнь не сравниваются как представители «школьного» и «нового» богословий. Конфликта не было, была конструктивная, уважительная переписка, обмен мнениями. В статье упоминается просьба Флоренского к Глубоковскому передать его труд о богословии и его развитии

в нашей стране. Глубоковский, в свою очередь упомянул Флоренского в своей книге об истории русского богословия, в разделе догматики.

Введением в научный оборот новых архивных документов ознаменован выход сборника «Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга»²², изданной в 2004 году. Данный труд содержит комплекс материалов по изучению рукописного наследия русских византистов в архивах Санкт-Петербурга, главным же образом результаты обследования авторским коллективом личных архивных фондов таких представителей церковной византистики, как профессор И.Е. Троицкий, Н.Е. Покровский, Н.Н. Глубоковский, А.И. Бриллиантов и др. Н.Н. Глубоковскому посвящен отдельный материал, называющийся «Н.Н. Глубоковский: путь церковного ученого (по архивным материалам)»²³, за авторством Т.А. Богдановой, содержащий глубокий и содержательный анализ жизненного пути известного русского богослова, его анализ именно как «православного ученого». Часть статьи отдельно посвящена издательской деятельности героя, особенно же его работе над Православной Богословской энциклопедией.

Книга «Сосуд избранный. История Российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской Православной церкви, а также в секретных документах руководителей Советского государства, 1882-1932»²⁴ представляет собой сборник по истории Российских Духовных школ и состроит из систематически подобранного и логически выстроенного массива ранее не публикуемых материалов, в первую очередь личного характера, а именно писем, относящихся авторством к известным представителям духовного образования и интеллигенции конца XIX - нач. XX

²² См.: Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 832 с.

²³ См.: Богданова Т.А. Н.Н. Глубоковский: путь церковного учёного (по архивным материалам) // «Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга». С. 119—171.

²⁴ См.: Сосуд избранный. История Российских духовных школ. СПб.: Изд-во Борей, 1994. 464 с.

вв. Большая часть писем, таких известных деятелей как В. Розанов, Г. Флоровский, М. Поснов, а также представителей высшей церковной иерархии адресованы Н.Н. Глубоковскому, и имеют подчас не только бытовой, но и ученый, богословский характер, недаром выбранное название данного сборника, «Сосуд избранный», как никакое другое показывает, какое духовное сокровище хранилось в умах русской образованной интеллигенции на пороге нового смутного века их Родины.

В издании 2005 года, названном «Глубоковский Н.Н. Академические обеты и заветы. Из академических уроков за 1891 – 1918 учебные годы. Из автобиографических записок. Обращение к выпускникам, учащимся и наставникам Вологодской духовной семинарии»²⁵ (под общей редакцией протоиерея Бориса Даниленко и иеромонаха Петра (Еремеева) впервые публикуются три работы выдающегося русского богослова из его научного архива, обнаруженного в Софии, где он провел последние годы своей жизни. Первая работа представляет собой вводные лекции по Новому Завету, в которых также упоминаются события общественной жизни начала XX века, оказавшие сильное влияние на течение русской истории. Автобиографические записки представляют собой большей частью семейные воспоминания, заметки о преподавательской и научной деятельности. Третья часть представляет собой целиком воспроизведенный текст послания, обращенного Глубоковским в 1884 г. к выпускникам-однокашникам и наставником своей *alma mater*, Вологодской духовной семинарии. В издание входит библиография прижизненных публикаций Н.Н. Глубоковского, относящихся к периоду его эмиграции. Данная книга снабжена большим иллюстративным материалом.

Также следует упомянуть статью в журнале «Церковный вестник Санкт-Петербурга» диакона Д. Юревича «Профессор Николай Никанорович

²⁵ См.: Глубоковский Н.Н. Академические обеты и заветы. М.; Сергиев Посад, 2005. 149 с.

Глубоковский: библеист, опередивший время»²⁶, которая, в отличие от некоторых других, более ранних работ, делает акцент не на биографических фактах или перечислении работ, а на том, что выделяло известного богослова из среды своих современников, в чем он уходил вперед своей эпохи, определяя будущее науки. Автор статьи считает важным упомянуть значение для Глубоковского текстологического комментария именно на церковнославянский и русские переводы Библии, его особое мнение о значении славянского варианта. По мнению исследователя начала двадцатого века, Славянская Библия едина и органична, и основана в отличие от других вариантов, не на националистически-мессианском масоретском тексте, а на греческом переводе Семидесяти, отличающимся большей универсальностью. Он также делает вывод о том, что греческая интерпретация независима от масоретского текста, таким образом, предсказывая наличие разных редакций древнееврейского текста Ветхого Завета, вскоре найденного в Кумране. Отдельное внимание Д. Юревич уделяет отношению Глубоковского к проблемам духовного образования того времени, актуальных и поныне – низкому уровню экзаменуемых, большому количеству разнопрофильных предметов и отсутствию специализации, что ныне только начинает преодолеваться. Важным требованием к семинаристу должно быть самостоятельное написание кандидатских диссертаций и свободный выбор предметов из возможных альтернатив. Общим же вектором развития всего духовного образования должно быть создание систематического библейского богословия, собственной отечественной школы.

Еще одной статьей, заслуживающей внимания, является работа В.А. Тарасовой, «Профессор Глубоковский и реформа высшей духовной школы в

²⁶ См.: Юревич Д., диак. Проф. Н. Н. Глубоковский: библеист, опередивший время: (к 140-летию со дня рожд.) // Церковный вестник СПб., 2003. № 12. С. 29-33; 2004. № 1-2. С. 43-48;

России в конце XIX – нач. XX в.»²⁷. Цель статьи – показать основные взгляды Н.Н. Глубоковского в области развития духовного образования, а также оценить реальные возможности его программы преобразований научного и учебного процессов в начале 20 века. Проблемы, в данной сфере, несомненно, были, однако перестройка шла слишком медленно, хоть и преодолевалась тормозящая всю систему сословная замкнутость. Автор статьи упоминает о важнейших тезисах Глубоковского по данной проблематике: требование углубления специализации, увеличение числа кафедр, научных кружков, расширение материально-технической базы, внедрение новых форм и методов обучения, изменение Устава и предоставление «умеренной автономии». Важно также замечание о возможности слушания семинаристами лекций в других учебных заведениях, а также создании духовно-педагогического института, как центра подготовки столь необходимых кадров.

Проблему внутреакадемических, корпоративных отношений освящает очередная статья Т.А. Богдановой, «Из академических «историй»: замещение кафедры церковного права в МДА в 1910 году»²⁸. Данная статья, опубликованная в первом номере «Вестника церковной истории» за 2007 год, посвящена известной в академической среде начала 20 века «Громогласовской истории», связанной не только с борьбой «партий» за замещение кафедры церковного права в МДА, но и с идейными различиями в видении путей развития русского богословия и духовного образования в кругах профессорско-преподавательского состава Духовных академий. Также вслед статьи опубликована переписка Глубоковского с Громогласовым, из научно-совещательной принимаемая форму дружеской, переписка,

²⁷ См.: Тарасова В.А. Профессор Н.Н. Глубоковский и реформа высшей духовной школы в России в конце XIX - начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2001. № 4.

²⁸ См.: Богданова Т.А. Из академических "историй": замещение кафедры церковного права в Московской Духовной академии в 1910 году // Вестник церковной истории. № 1. 2007. С. 31 - 77.

затрагивающая проблемы духовного образования и отношения профессуры Духовных академий со Святейшим Синодом и Новоселовским кружком, выступающим оппозицией старому, «школьному» богословию.

Глава 2. Н.Н. Глубоковский как богослов и экзегет.

§ 1. Рациональная критика Нового Завета в западной теологии XIX века.

Девятнадцатый век в западной богословской науке был ознаменован переходом к рационально-критическому изучению библейских текстов, в особенности же Евангелия и, непосредственно, его смыслового центра и главного героя книги, Иисуса Христа. Если раньше критика была связана, в первую очередь с именами французских философов-писателей, придерживающихся деистических взглядов, то отныне центр тяжести научной критики смещается в сторону немецкой теологии, взявшей в основу своих изысканий Нового Завета гегелевский принцип историзма. Отныне, евангельские тексты рассматриваются как исторический источник, а личность основателя христианства, и совершенные им деяния, с точки зрения соответствия научной картине мира, а не безусловной вере в сверхъестественное. Одним из первых исследователей в данном направлении явился Генрих Паулюс, который видел цель своей работы в приложении разума для познания Христа. Именно данное положение становится основополагающим для всех последующих исследователей, применяющих научно-критический метод, в том числе для развившихся несколько позднее идей Новотюбингенской школы. Принцип историзма, в наложении его на священные для христиан тексты, выражался, (особенно до Давида Штрауса), в понимании евангельских событий с точки зрения исторической целесообразности. Если описанное евангелистами событие вписывалось в оправданное естествознанием положение вещей, соответственно, его можно было рассматривать, как реально случившееся, если же оно таковым не являлось, его, первоначально (с позиции того же Паулюса), необходимо было объяснить. В частности, столь сверхъестественный аспект Евангелия как чудеса, совершенные Христом, принято было интерпретировать как вполне естественное лечение, в том числе через внушение больным людям (так, например, бесноватые приравнивались к людям с психическими расстройствами) веры в их исцеление. Помимо всего прочего, Христос мог

заранее ознакомляться с историей болезни, и выбирать подходящие и действенные методы лечения. Научным объяснением чуда мотивируется и стремление к его морализации, в противовес мифологизации. Свою роль играет все то же желание видеть в христианстве в первую очередь новую систему нравственных ценностей, переоценка которых происходит благодаря проповеди Иисуса, а не чудесное, экстраординарное событие, существующее благодаря вмешательству высших сил. Рождение христианства это удел истории, а не чуда.

Об этом в своих трудах говорит другой научный критик Евангелия, Давид Штраус, относящий как саму религию, так и Христа к продукту исторического контекста эпохи. Признавая реальное существование такого человека как Иисус, он отказывает ему не только в божественности, но и в любых других трансцендентных аспектах личности – здесь вновь нет места чудесам, но свое заслуженное место занимает мораль, пусть не совсем новая, но по-своему удивительная. Штраус отказывается от интерпретации евангельских текстов, как это предполагалось прошлыми исследователями, во имя их мифологизации, то есть раскрытия первоначального смысла и контекста, и выявления последующего привнесения мифологии, для лучшего понимания, как личности самого Христа, так и влияния его последователей на формирование, кодификацию и сакрализацию священных текстов, ставших основой для зарождающейся религии. Вообще, примечательно отношение Штрауса не только к евангельским текстам, но и к самой христианской вере. Да, оно не было повсеместно распространено в среде большинства жителей Европы, не изменило положения тогдашней Церкви, но стало важной вехой в переходе целой цивилизации на «секулярные рельсы». В его словах нет язвительности и сатиры французских просветителей, но есть претензия на научный подход и анализ источников. Взгляды Штрауса, которым, безусловно, будет оппонировать отечественная богословская наука, исходят из тезиса неудовлетворенности старой верой и старой Церковью. Главнейшие из деяний, легших в основу христианского Писания и Предания

– легендарны, само учение несовместимо с современным состоянием взглядов мыслящих людей на мир и на жизнь. Критик Нового Завета призывает видеть в библейских текстах поэтическое достоинство, снисходить к своеобразию жанра (к чему, собственно, направлено и аллегорическое толкование со стороны христианских экзегетов, однако, с совершенно другими целями). В своей книге «Старая и новая вера», Давид Штраус призывает к разложению старого ради нового, к серьезной критике, а не одним лишь насмешкам, к новому взгляду на христианство, лишенному своей «внешней оболочки» из неоспоримых догматов, недоказанных чудес и противоречащих самим себе фактов. Иисуса надлежит рассматривать (и этот пассаж повторяет выпады прошлых критиков) как историческое лицо, человека, пропитанного истинной любовью к Богу и людям, павшего жертвой стремления распространить между своими соотечественниками чистое религиозное и нравственное учение²⁹. Отрицается ли этим в чистом виде христианство? По мнению исследователей, подходящих к вопросу с рациональной точки зрения, вовсе нет, но наоборот, оно открывается заново и с более точной и правильной позиции. Конечно, из христианской религии устраняется богочеловечество ее основателя, факт мессианства и искупления, однако, остается возвышенный образ, который служит нам не объектом поклонения, но примером в жизни. Христос же, описанный в канонических евангелиях ложен, в его уста вкладываются несказанные речи, за ним дописываются несовершенные поступки, он становится тем, в ком изначально, и искусственно борются две противоборствующие позиции – условно говоря, законничества и павлинизма. И во избежание разделений в новой религии, для угождения всем, в зависимости от ситуации, евангелисты рисуют нам картину «равновесия», перемешивая традиции, и создавая образ то более мягкосердечного (в угоду позиции апостола Павла), то, наоборот, более жесткого и бескомпромиссного. Выявить же исторического Христа, безусловно, сложно, более того, почти невозможно, и остается только

²⁹ Штраус Д.Ф. Старая и новая вера / Пер. с нем. под ред. Е. Шехтера. СПб, 1907. С. 24.

констатировать – Христос истории скорее проблема, чем объект веры, незнакомое, расплывчатое очертание. Отсюда и вывод Штрауса – признавая лишь нравственную сторону учения Иисуса, мы отказываем ему в великой миссии Спасителя, и, таким образом, с накопленным багажом знаний и исследований, не можем более называть себя христианами в старом смысле слова.³⁰

Миссия Христа заключилась лишь в преутовлении более совершенных нравственных систем, пусть и развившихся на его основе. Гуманность вырабатывалась благодаря христианству, но оформилась, в итоге, философией и светской образованностью XVIII века. Да и сама новая для I века религия, об этом Штраус пишет уже в своем фундаментальном труде «Жизнь Иисуса», также есть продукт предшествующих эпох и учений, синтез иудейского монотеизма и античного политеизма, накладывающийся на благоприятную историческую почву своей общедоступностью и близостью народному духу³¹. Еврейство во всех своих проявлениях искало Бога, а греческий мир – человека, и таким образом, объединившись, они явили христианство, все же лишенное богочеловечества, но не лишенное тяги к Божеству. И тяга эта заложена в *человеке* Иисусе. Им руководствовались высшие цели, но осуществлял он их вполне земными средствами. Пришедший дать духовное содержание букве Моисеева закона, он не вкладывал в это содержание догматической составляющей, ибо вера должна созревать и находится в глубине души, в благодати и единении с Богом. В этом смысле также интересен образ, пусть и несколько романтизированный, созданный Эрнестом Ренаном в своей книге «Жизнь Иисуса», также оказавшей большое влияние на формирование проблемы «исторического Христа». Используя канонические евангелия в качестве источников, автор создает картину, далекую от традиционной: он изображает человека Христа «прекрасным и обаятельным», превращая евангельскую историю в

³⁰ Там же. С. 26.

³¹ Штраус Д.Ф. Жизнь Иисуса; Ренан Э. Жизнь Иисуса. С. 20.

«пастораль».³² Религия такого учителя основана на сердечном культе, и далека от жрецов, иудейской схоластики и закона.

Однако дошедшие до нас слова Христа о неподсудности закону, упомянутые у разных авторов, могли быть и следствием влияния апостола Павла, ведь написанное Лукой евангелие, было явно пропитано духом павлинизма. Отсюда вытекает несколько проблем, поставленных рациональной критикой Нового Завета, как со стороны теологов, так и со стороны исследователей религии, не относящих себя к данной области. Если критиковать изначальное христианство (а для отечественных богословов оно таковым оставалось и в конце XIX века) во всей его полноте, имея в виду личность и деяния Христа, написанные о нем Евангелия, и последующие труды апостола Павла, ставшие подспорьем и средством распространения новой религии среди язычников, то первый вопрос упирается в историчность совершенных деяний – это конечно, область мировоззрения ученого, а если быть точнее, область личной веры в возможность реального существования чудесного. Ведь основной принцип, руководствовавший научными критиками христианства в то время – это не только историческая недостоверность, но и нарушение самого закона логики естествознания в евангельских событиях. Отсюда вытекает второй вопрос – если мы не можем руководствоваться одной лишь верой, так как доказать совершенное Христом (впрочем, как и наверняка опровергнуть) полностью невозможно, необходимо рассматривать разные точки зрения в отношении исследования такого исторического источника как Евангелие. И, соответственно, выявлять противоречия не только с точки зрения естествознания (понимая, что текст сугубо религиозный), но и с позиции исследования источника, в частности, как священного текста. Ответы на данные вопросы, в своих исследованиях, в том числе апологетического в отношении Евангелия и жизни Христа характера дала русская богословская наука, выступающая с противоположной точкой зрения, и затрагивающая, в большинстве своем проблемы,

³² Там же. С. 786.

непосредственно, жизни и деяний Христа, по большей части опуская взаимосвязь основателя христианства с его распространителем в пределы Римской Ойкумены, вопросом которой займется в своих трудах именно Н.Н. Глубоковский.

§ 2. Отечественное богословие в полемике с научной критикой Священного Писания.

В своем подходе как к критике научно-рационального метода в изучении Евангелия, так и в самом исследовании генезиса христианства и личности его основателя, отечественные богословы второй половины XIX – начала XX века исходили из позиции веры в существование сверхъестественного элемента в новозаветном повествовании. В этом и основное отличие, и камень преткновения между ними и известными критиками «чудесного» в Евангелии и деятельности Христа, там описанной. Отношение к западным исследованиям в данной области выходит в это время на новый уровень вследствие появления метода экзегезиса, исходным пунктом которого служит вопрос не о толковании предполагаемого а priori исторического факта, а критики и сомнения в самом факте³³. Вопрос и о чуде, и о историчности источника выходит за рамки априорно-догматические, и ставится в плоскости научной критики³⁴ – именно этому методологическому подходу будет оппонировать отечественная теология. В отличие от рационалистов, такой видный русский богослов как Поснов, считает именно каноническое Четвероевангелие главнейшим и почти единственным историческим источником в исследовании личности Христа и начала самого христианства. И если там описаны события, уму человеческому непостижимые и непонятные – это еще не повод не доверять данному

³³ Муретов М.Д. Протестантское богословие до появления Штраусовой Жизни Иисуса (общая характеристика). С. 4.

³⁴ Там же. С. 4.

источнику. Поснов выявляет несколько критериев, по которым оценивает Евангелие, и правоту того, что там написано: это древность, подлинность и достоверность. Важно также и само отношение к евангелистам – если научные критики не видели оснований и доказательств, чтобы доверять словам написавших о Христе, и идентифицировать их как Матфея, Марка, Луку и Иоанна, то православные богословы отнюдь, не находили нужды сомневаться в ложности написанного и истинности традиционных имен, основывая свою точку зрения на свидетельствах уважаемых в церковной среде мужей – Климента Александрийского, Иринея Лионского, Папия Иерапольского и др. Здесь важнейшее противоречие традиций – православные богословы не мыслят свое исследование без опоры на священное предание, на авторитет мужей апостольских и отцов Церкви, на *саму* писанную до них традицию. Это конечно не значит, что они, безусловно, слепо и абсолютно некритично к ней относятся – но для них она занимает гораздо большее место, нежели чем для протестантских исследователей, изучающих голый источник, с его привязкой к времени непосредственного написания, а не последующего упоминания у благочестивых мужей, труды которых также необходимо верифицировать. Однако, и в отходе от традиции, опираясь только на первоисточник, то же Четвероевангелие рассматривается как исторический текст, непредвзято повествующий о реально происходивших событиях, т.е. подлинных и достоверных. Даже спорное евангелие от Иоанна, авторством относится к сыну Заведеевому, «лежащему на персях» во время Тайной вечери, и, отвечая на вопрос о связи идей последнего евангелия с греческой философией и учением о Логосе, в тексте видится не влияние эллинизма, а наоборот, христианский ответ на него.

Центральной же фигурой, рассматриваемой в критическом ответе на рациональный подход, должен служить тот, кто пользовался столь большой популярностью у западных исследователей, собственно, Иисус Христос. Тот же Поснов, в своем труде «О личности основателя христианской церкви», своеобразном ответе, пусть и в общих чертах, на почти всю

предшествующую научную критику, от Паулюса до Ревия, просит рассматривать жизнь Христа как настоящую человеческую, далее, однако, углубляясь в нюансы. Совмещая в себе несовместимое, крайности и противоречия, Христос оставался самим собой, и в этом заключается еще одно расхождение с критиками, видящими в Иисусе, так или иначе сомневающегося, примиряющего разные точки зрения. Здесь он примиряет петринизм и павлинизм, он сам становится их началом, и в этом не противоречит себе. Если у западных исследователей Христос проделывает эволюцию от мечтательного проповедника до деструктивной для него идеи осознания себя национальным Мессией, то в отечественном богословии, он априори снисходит до людей с высоты своего мессианства, а не возвышается до него в процессе своих богоискательных поисков. Его слушают не потому что он обладает даром убеждения или раввинской учёностью, но оттого что чувствуют его божественную силу³⁵. Ключ познания Иисуса – в его святости, но отличной от той святости, что подразумевали теологи Запада. Кем они видели Христа? Самое большее – пророком, учителем нравственности, пусть и совершающим чудеса, но объяснимые законами природы, пусть и дающим учение, но обусловленное внешним влиянием и историческим контекстом. Отечественное богословие видит в Иисусе Христе именно Бога, сознает его Мессией без сомнения. Мессией не в узконациональном и политическом смысле, но с позиции христианской сотериологии. Отсюда, в отечественном богословии делается вывод, что тот Христос, которого изучают и рассматривают представители рационалистической школы, не имеет ничего общего с Христом Евангелия, который был и остается единственным историческим Христом. Как пишет философ Владимир Соловьев, «заменив «галилейского раввина» отшельником из рода шакьев, мнимые христиане

³⁵ Поснов М.Э. О личности Основателя христианской церкви: изложение и краткий разбор рационалистических, мифологических и натуралистических воззрений на лицо И. Христа // Христианское чтение. 1910. № 7-8. С. 993.

ничего действительно не потеряли бы».³⁶ То есть, не ортодоксальное представление фальсифицирует фигуру основателя христианства, а наоборот, критики трансформируют как личность Иисуса, так и его учение, для формирования собственного «Христа», и собственного «христианства».

Еще один важный момент, связан с пониманием оппонентами научного подхода его изначального посыла. Осуждение традиционного рассмотрения новозаветных источников как имеющих заранее выдвинутую аксиому, априори неподвергающуюся проверке доказательствами можно распространить и на исследователей, в данную аксиому не веривших, ведь они тоже строят свою теорию на утвердившейся концепции, даже на своего рода догме, а не гипотезе. Как пишет критик рационального подхода к изучению жизни Христа, Николай Михайлович Боголюбов в своем труде «Образ Иисуса Христа в "Жизни Иисуса" Э. Ренана и Д. Штраусса»: «научное исследование Нового Завета ведется под руководством уже заранее допущенных предположений».³⁷ Соответственно, руководствуясь установкой, подразумевающей заранее сформулированные выводы, исследователь Нового Завета будет рассматривать все евангельские и последующие, описанные в трудах апостолов события через призму рационалистического подхода как единственно верного, то есть, как той же аксиомы. Интересное замечание делает Боголюбов, рассматривая критику западными исследователями чуда Преображения. Ссылаясь на представителя Тюбингенской школы, Отто Пфлейдерера, который делает случившееся на горе Фавор лишь иллюстрацией написанному апостолом Павлом во втором послании коринфянам о «преображении от славы в славу» (2 Кор. 3:18), он обвиняет его в тенденциозности и необъективности, стремлении построить евангельский рассказ исходя не из последовательности событий и здравого смысла, а из желания доказать его несостоятельность как мифа. Важным

³⁶ Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями. СПб, 1900. С. 5.

³⁷ Боголюбов Н.М. Образ Иисуса Христа в "Жизни Иисуса" Э. Ренана и Д. Штраусса. С. 5.

критерием ставится также понятность Нового Завета, его причинно-следственной связи. «Мы должны допустить оба положения, - пишет Боголюбов, - как верующих, так и рационалистов, - в качестве равноценных предположений»³⁸, и рассмотреть, как прояснится Евангелие, рассмотренное только с точки зрения исторического явления, и напротив, если уразуметь его лишь верою.

И если вновь поднять в этой связи проблему «исторического Христа», уже не в качестве заранее утвержденного ответа, но лишь как вопроса, в котором возможно рассмотреть обе противоположные точки зрения, то ответ, с точки зрения православных богословов мы можем найти не только в априорной установке веры в чудесное, но в методе *ad absurdum*, выявлении противоречий в самом научном методе, для чего необходимо рассмотреть не только богословский пафос отечественных исследователей, но и их аргументы. Рациональные критики рассматривали Иисуса как обычного человека, отличающегося, однако, от других людей достижением глубокого внутреннего богоискания, подлинного и абсолютного единения с Богом. Однако русская богословская наука не видит аналогий такого состояния у других людей, достичь такого невозможно даже для религиозного гения. Человек не может быть так свят и так чист, в его душе в любом случае должны происходить определенные переживания, некие кризисы веры и богопознания, а о долгом и противоречивом пути Христа к его условному просветлению в Евангелии не сказано. Безусловно, существовали люди, находившиеся в общении с Богом, и обладавшие большой святостью, в пример можно привести такого новозаветного персонажа как Иоанн Креститель, но никто не вступал в те беспрецедентные отношения, которые были у Иисуса с тем, кого он называет Отцом. Христос, как Сын Божий, по мнению русских богословов, при всем наличии сверхъестественного элемента в его жизни и учении менее утопичен и более реален, чем романтизированный мечтатель или высоконравственный проповедник нового

³⁸ Там же. С. 7.

отношения к Богу и людям, а столь радикальный подход изучения священных текстов более фантастичен и необоснован, чем вся православная традиция в данном вопросе. Таким образом, реально рассмотреть учение и личность исторического Иисуса Христа (каким он был в представлении рационалистической критики), портрет которого основывался бы на Евангелиях (пусть и критикуемых) и на христианской традиции (изрядно редактируемой), невозможно, это неразрешимая загадка, при попытке ответа на которую «мы или грубо нарушим требования исторической критики, или окажемся слишком поверхностными психологами»³⁹. Даже отрицая историческую теорию в пользу мифологической за авторством Давида Штрауса мы все равно не можем полноценно ответить на поставленные вопросы, от перестановки и жонглирования гипотезами об истоках мессианского сознания Христа, его идей о втором пришествии и чудесах, не поменяется сумма выводов – такого человека, пусть бы он и являлся выдающимся пророком и духовидцем, не могло существовать в реальности, если только не признать его сумасшедшим, фанатиком или обманщиком, и тем самым потерять высоту нравственного идеала.

Важен также аспект, который позже разовьется и станет основой для фундаментального труда Н.Н. Глубоковского об апостоле Павле – это критика Тюбингенской школы, в частности ее видного представителя, Ф.Баура в его представлении о раннем христианстве, как соединении противоборствующих партий апостолов Петра и Павла, выражающих разное понимание учения Христа. За несколько десятилетий до изысканий Глубоковского, данную тему поднимает богослов А.Г. Полотебнов, пусть и рассматривая ее косвенно, в труде, посвященном критике Баура евангелия от Луки, написанного под влиянием павлинизма. Он приводит мнение протестантского богослова о том, что существовал оригинальный текст евангелия, написанный Лукой в I веке, несший в себе отпечаток богословия апостола Павла, его яркого антиномизма и даже антагонизма по отношению к 12 апостолам и, в большей степени, к

³⁹ Там же. С. 103.

Петру. Аргументом в поддержку данной точки зрения, Баур приводит евангелие еретика Маркиона, якобы, могущего использовать в качестве первоосновы текст Луки. Однако, Полотебнов, изучив спорные места, рассматриваемые как заимствованные для своего писания Маркионом, делает вывод о субъективности и нелогичности концепции Баура. Вновь, в исследовании православного богослова, основной упор делается на традицию и церковное предание, аргументы основываются на трудах и выводах Иустина Мученика, Иринея Лионского и Тертуллиана⁴⁰. Это не говорит об их несостоятельности, отнюдь, приводятся весомые и основательные доводы в пользу того, что дошедшее до нас евангелие от Луки не менялось в угоду пресловутого примирения партий Петра и Павла, хотя бы потому, что отсутствующие у Маркиона и якобы используемого им текста Луки первые главы о рождении Христа, встречаются у более ранних христианских писателей как ссылки на вполне аутентичное евангелие.

Еще более важный вывод, позже рассматриваемый в своих богословских трудах Глубоковским, был связан с проблемой наличия (или отсутствия) двух противоборствующих течений, возникших с началом распространения христианства. Фердинанд Баур, основывая свое предположение на новозаветных текстах, в первую очередь, Апокалипсисе, представляющим партию иудео-христиан и четырёх Павловых посланиях (по его мнению, единственно достоверных), ставших основой учения языко-христиан, приходит к выводу о конфликте между первоверховными апостолами в понимании учения Христа, а также роли закона в нем⁴¹. Апостол Павел стремится доказать бессилие номизма, несостоятельность учения об обрезании и свое равенство в среде других апостолов, и входит в сознательный разлад с Петром, придерживающимся противоположных воззрений. Об этом говорят множественные отсылки в Апокалипсисе,

⁴⁰ Полотебнов А.Г. Святое Евангелие от Луки: Православное критико-экзегетическое исследование против Ф.Х. Баура. С. 83.

⁴¹ Там же. С. 145.

обличающие язычников, как слуг тьмы, и серьезная, по мнению Баура, ссора апостолов в Антиохии – однако Полотебнов из рассмотрения данных аргументов делает вывод о том, что такая позиция основана лишь на части целого, но не рассматривает всего целого. В частности все кажется относительно логичным, однако, при рассмотрении более глобальной картины, без ее подгона под определенную ангажированную концепцию, все может представиться иначе. Апокалипсис рассматривает отнюдь не язычников, принявших христианство, а наоборот, нераскаянных людей, исповедующих политеизм; апостол Павел в своих посланиях сам обличает те пороки, которые приписываются его партии, т.е. идолослужение и любодейство (в частности, в первом послании к коринфянам). А ссора, случившаяся между апостолами в Антиохии, могла быть вполне бытовым инцидентом, без серьезных последствий, хоть и связанным со злободневной темой принятия или игнорирования иудейского закона. Безусловно, Павел выступал против законничества, однако его борьба была направлена против крайности – т.е. тех иудействующих христиан, признающих закон выше того, что принес Христос – спасение не делами закона, но делами веры. Также и Петр, выступающий против язычников, обличал их пороки и образ жизни, но не лишал их возможности в соединении со Христом. К такому выводу приходит А.Г. Полотебнов, в своих изысканиях предваряющий исследование Н.Н. Глубоковского, который будет рассматривать возможность существования противоречий между апостолом языков и Евангелиями с позиций самого Павла, и первым из русских богословов того периода обратится к его учению как к предмету своей научной работы.

§ 3. Апостол Павел и его богословие в трудах Н.Н. Глубоковского.

Большое место в исследованиях Н.Н. Глубоковского занимает учение «апостола языков», личность которого в русской богословской науке серьезно не изучалась, а упоминалась лишь косвенно, в более глобальном контексте

исследований новозаветных текстов. Глубоковский не просто затрагивает частные моменты Павлова учения, но ставит в центр своего фундаментального труда, ставшего докторской диссертацией, личность апостола Павла во всех аспектах его жизни и взглядов, рассматривает данный вопрос «по происхождению и существу». В своих многочисленных трудах, посвященных апостолу, ученый задается большим количеством актуальных для русской богословской науки (до настоящего момента, не поднимавших данную проблематику) вопросов, связанных в первую очередь, как и предшествующие изыскания в области евангельских текстов, с ответом научно-критическому экзегезису Нового Завета. Ключевая для христианства фигура, связанная с формированием и богословским обоснованием учения Христа, подвергается не просто критике, но кардинальному пересмотру своей роли в истории и становлении новой веры. Новотюбингенской школой Павел рассматривается в своей оригинальности и отличности от Иисуса, видится как религиозный деятель, не просто интерпретирующий, но создающий свое собственное учение, пусть и близкое, но, во многих аспектах, отличающееся от взглядов самого Христа. Глубоковский ставит перед собой задачу не только конструктивно и научно ответить на выпады западных исследователей, но и представить богословие апостола Павла в теснейшей связи и близости к евангельским текстам, по своему духу им не противоречащим, но дополняющим и наследующим. И первым ключевым моментом, рассмотренным в трудах Глубоковского, было само обращение Савла к Христу, момент, безусловно, обусловивший всю дальнейшую деятельность апостола.

Чудо по дороге в Дамаск, описанное в Деяниях апостолов, и, в конце концов, приведшее к принятию Савлом христианства, в зависимости от принадлежности к тем или иным традициям, трактуется по-разному. Рационалистическая критика, направлена на научное толкование изменения Павлом своей веры – если оно и произошло, то этому способствовала долгая и тяжелая внутренняя борьба. Таким образом, данный вопрос переносится из

области истории (и возможного наличия сверхъестественного элемента в ней) в область учения. Научная критика исходит из позиции яркого гонительства Павла, не лишая, однако, его самого, черт порядочного и честного человека, придерживающегося традиционных для иудейской религии воззрений. И как правоверный иудей, он не мог принять самой идеи христианства, связанного с невозможной для его религии интерпретацией подвига Мессии, позорно умирающего на кресте. Гонение имело для него морально-религиозное оправдание, и было праведным делом. Однако, в процессе преследований последователей Распятого, Павел все больше знакомится с их учением, и тут в его душу падает семя преступного ренегатства⁴². Он видит нравственную чистоту гонимых, он узревает их святость, и понимает, что эти люди, так легко идут на смерть потому, что не верят в нее, для них она уже побеждена. Две правды раздирают будущего апостола, он не может вынести душевных терзаний, и чтобы победить свои сомнения, еще более усугубляет в себе ненависть ко Христу, но не может изгнать его из своей души. От большей ненависти и начального непонимания рождается большая любовь и принятие. Путь в Дамаск является неизбежным итогом диалектики противоречия, божественное откровение обосновывается психологическими процессами и склонностью к эпилепсии и нервозности. Таким образом приняв новую веру, он модифицирует иудеохристианство на основе собственного антиномизма, и представлений о Христе, который является для него не реальным существом, а собственной интерпретацией, фантомом. Следовательно, то учение, которое было впоследствии им сформировано, основывается не на историческом учении Христа и апостолов, а на, собственно, его взглядах, и может получить название «павлинизма». Оно оригинально, хоть и имеет своей основой иудейско-раввинское богословие, трансформированное Павлом в свой собственный теологический продукт. Выходит, все богатство его веры есть субъективное преобразование старых иудейских элементов в оригинальную

⁴² Глубоковский Н.Н. Благовестие Св. Апостола Павла по его происхождению и существу. Кн. 1. С. 6.

систему личного характера⁴³. Этому взгляду и пытается противопоставить собственный исследовательский анализ Н.Н. Глубоковский.

В интерпретации Новотюбингенской школы он видит очередную попытку представить апостола экзальтированным фанатиком, метающимся в своих религиозных представлениях. По мнению Глубоковского, Савл был целостен в своих воззрениях, его нравственное достоинство было бесспорно. Критики руководствуются лишь собственными домыслами и для пущей аргументированности сочиняют факты. Безусловно, у Павла было соприкосновение с христианами, но он, возможно, из их плюсов отмечал только стойкость веры. Он был осведомленным человеком, и не изменял своих решений, даже после возникновения сомнений, и уж точно, он не мог впасть в религиозную истерию. Как правоверный иудей, он видел реальные плоды деятельности христиан, их активный прозелитизм, и усматривал в них пусть и притягательную, но именно демоническую силу (здесь важны также отсылки в евангельский текст, где иудеи обвиняют Христа в исцелении людей силой «князя бесовского»). Однако вскоре Бог открывается ему, и он, видя чудесное знамение, принимает Христа и отменяет прошлую жизнь. Родается не реформированный иудей, а именно независимый христианин. Все его изменения происходят осознанно, а модификация внутренних убеждений возникает под влиянием опыта и искренней веры.

Следующим за обращением Павла, стоит вопрос его связей и влияния на его богословие иудейской-раввинистической традиции. Сколь сильно оно было, и если и имело место, то не было ли оно основополагающим в его представлениях о Христе, и не затмевало ли, не противоречило ли оно евангельскому учению? Бесспорно, до своего обращения, Павел принадлежал к раввинской традиции, и возможно, был ее начинающим светилом. Глубоковский делает вывод, что апостол язычников не упоминается в Талмуде, в отличие, скажем от Петра и Иакова, вследствие глубокой травмы, нанесенной уходом Павла иудейской учености. Память о нем стирается,

⁴³ Там же. С. 11.

чтобы не напоминать о великом упущении, дискредитирующем саму традицию, раввинизм попросту вычёркивает из своей истории «ученого ренегата»⁴⁴. Также, в Деяниях говорится, что Павел был учеником известного израильского законоучителя Гамалиила, и находился под его опекой в Иерусалиме. Однако, то, что отличало его учителя, не перешло, в дальнейшем, к нему. Из известного сюжета с судом над апостолами, когда «князь Израилев» выступил в их защиту, Глубоковский делает вывод не о его расположении к новой вере, и соответственно, религиозной толерантности, но, скорее, о политической дальнорзости, и еще более – о холодном презрении к подсудимым, о торжестве в его взглядах мертвой буквы законничества, о косности его религиозного чувства, ставящего выше всего остального интерес иудейства, и даже не находящего нужды что-либо противопоставить нарождающемуся христианству, которое, по его мнению, должно само собой упраздниться, без активной борьбы с ним. Павел же, наоборот, при всей его горячности, был человеком живой веры, посему и радикально отверг шоры ограничивающего веру закона. Зная тонкости фарисейского законничества, после принятия всем своим существом христианства, он отвергает его искусственность, его экзегетическую софистику, стремление обосновать Библию и комбинировать ее текст согласно собственным намерениям и тенденциозным пожеланиям⁴⁵. Источник праведности и залог спасения он отныне находит не в законе, а в вере. Павел концентрируется на подлинной и неповрежденной домыслами Библии. Для него закон становится временной мерой, преградой греху, созданным не предвечно, но именно в связи с появлением последнего, и соответственно, с приходом Христа заканчивается детоводительство закона, его историческая миссия. Однако, кажущаяся антиномия, выражающаяся в признании и роли и значения закона, соединенная с его преодолением разрешается не отрицанием и не восхвалением его, но отнесением его на

⁴⁴ Там же. С. 148.

⁴⁵ Там же. С. 204 - 205.

подлежащее ему место – он необходим, но временен, значимость не утрачивается, но рассматривается как стадия на пути к спасению через Христа. Таким образом, Павел, используя свои обширные знания иудейства и образование, приходит к противоположным выводам. Однако, имея другой результат, т.е. итоговую оригинальность концепции, можно выражать свои идеи старыми средствами, и конструировать новое видение с помощью концептов прошлого, через их заимствование и интерпретацию. Глубоковский протестует и против такого понимания богословия Павла. Апостол, по его мнению, не использует свою иудейскую ученость для изучения Евангелия, ведь он отличен в самом средстве его понимания, рассматривая благую весть на уровне веры, а не догмы. Он независим от Ветхого Завета, хоть и не пренебрегает им. Для ответа на вопрос о зависимости Павла от идей раввинского богословия, Глубоковский приводит в пример отношение апостола к столь фундаментальному элементу, как иудейства, так и христианства, как понятие Мессии, а именно его домирного существования. Если Мессия, так или иначе, существовал до сотворения мира, то он мог упразднить собой закон, так как был первее его. Вопрос ставится в том, что и кого понимать под Мессией, существующим до своего прихода в мир. Если Павел использует иудейские понятия, то он, таким образом, чужд и самому мессианскому пониманию христианства, хоть в своих выводах и оригинален, привнося раввинскую ученость, в основных понятиях отрицаемую им, и знания, полученные в фарисейской среде на собственную веру в Распятого. По иудейскому учению, Мессия был предуготовлен Израилю и содержался на небе как небесный человек, т.е. здесь присутствует идея эдакого Адама Кадмона, прототипа всего человечества, существующего наравне с Адамом, сотворенным из праха земного, и описанным как особое, отдельное творение в книге Бытия. Такой Адам (или преуготовленный Мессия) обладал реальной особостью, но был в служебном положении, должен был быть исключительно израильским Мессией, средством попечения божества о своем народе. Такое понимание

Помазанника было поруганием идей Павла⁴⁶. Для него Христос как Мессия являлся краеугольным камнем всего здания искупления. Представление же в раввинистической традиции о двух Адамах было смутно и отрывочно и не могло стать требуемым капиталом для столь важной идеи, для формирования у Павла образа Христа. Данные идеи встречаются в каббалистической теософии⁴⁷, возникшей в более поздние времена, и мы не вправе передвигать их за грань христианской эпохи. Иисус, таким образом, не мог быть небесным человеком в этом понимании, он был Божеством, и человек мог стать небесным только через него – именно это, по мнению Глубоковского, и декларирует Павел, расходясь в своем понимании Мессии с иудейско-раввинистической традицией.

Однако критика ставит апостола Павла в зависимость не только от иудейского богословия, но и от эллинской философии. Вторым важнейшим моментом в понимании независимой и уникальной роли апостола Павла у Глубоковского становится разбор его связей с эллинизмом и языческим влиянием. Оппоненты высказывают гипотезу, что миссионерская проповедь апостола имела успех за пределами Палестины вследствие наличия в ней языческих элементов, которые Павел впитал, будучи иудеем рассеяния, знакомым с греко-римской ученостью, и обладавшим эллински-диалектической опытностью «даровитого, образованного, интеллигентного писателя»⁴⁸. Собственно, его взгляды были близки многим евреям диаспоры, находившимся под влиянием эллинизма, и охотно усваивающим учение не самого Христа, а скорее его интерпретацию со стороны Павла. Разделяется мнение, будто вся первохристианская община состояла из эллинистически настроенных членов иудейства⁴⁹, хоть и не отрицающих традицию отцов, но,

⁴⁶ Там же. С. 254.

⁴⁷ Там же. С. 263.

⁴⁸ Глубоковский Н.Н. Благовестие Св. Апостола Павла по его происхождению и существу. Кн. 2. С. 978.

⁴⁹ Там же. С. 16.

вследствие исторических обстоятельств, подвергшихся большому влиянию греческой цивилизации, ее культуры и религиозно-философских идей, в том числе того, что принято называть филонизмом. Так и Павел, вышедший из раввинской фарисейской традиции, мог пойти дальше нее, и для вящего успеха проповеди включить в свою богословскую систему элементы эллинской философии, и, соединив иудейство и язычество, представить концепцию, отвечающую интересам и чаяниям, как сомневающихся евреев, так и сомневающихся язычников, стать всем для всех, чтобы спасти, по крайней мере, некоторых. Тесный контакт и рецепция языческих философских концепций со стороны иудеев видится их желанием приспособиться к окружающей среде, доказать высоту и превосходство своего учения, которое может находить аналогии и объяснения в чужеродных системах. Таким образом, яркий представитель данного направления в иудаизме, Филон Александрийский может выступить помощником и преуловителем в постижении богословия Павла, также обращенного к язычникам. Вообще в своих идеях, филонизм, по мнению Глубоковского, критиками рассматривался как предтеча христианства, и даже детоводитель ко Христу. Павел, находившийся под влиянием эллинизма, и усвоивший его язык обязан своими догматическими концепциями «александрийскому ментору». Оппонируя данной точке зрения, Глубоковский приводит аргумент с позиций хронологии, представляя Филона старшим современником Павла, труды которого ко времени написания посланий не получили широкой известности⁵⁰. После своего обращения, Павел не ищет новых авторитетов в богоискании, его проповедь уже продумана и выработана, ей не нужны наносные элементы. Следующим камнем преткновения служит метод аллегорического толкования, которым пользуется как Филон, так и Павел, возможно, заимствующий его у александрийского философа. Аллегория была и в классическом иудаизме, но там от нее веяло меркантильной

⁵⁰ Там же. С. 29.

бездушностью и мертвящей мелочностью⁵¹. Филон же изъясняет Библию применительно к греческим идеям. Но в своих аллегориях он все равно остается иудеем по вере, он частично остается верен прошлому методу, вычитывая в букве то, чего там нет. Его толкования пропитаны духом формализма, он как бы выжимает из текста, ту или иную, нужную для себя идею. Павел с помощью аллегории демонстрирует явный и живой факт, вместе с тем выказывая священному тексту должное почтение, в отличие от Филона, боязливо стыдящегося перед интеллигентным эллинизмом памятников своей веры⁵². Апостол языков, по мнению Глубоковского, представляет реальную истину благодатной истории домостроительства Христова, в то время как филонизм наполнен субъективной изобретательностью и деспотическим распоряжением фактическими данными. Важен также и посыл толкования – у Павла явно видна воспитательная цель, в глубине апостольских аналогий мы можем рассмотреть моральный закон, в то время как Филон Александрийский всюду отыскивает собственные концепции, превращая Писание в сплошной символ. Священная история для Тарсиянина обоснована, соподчинена своей цели, ее тенденции проникнуты христианским духом. Весь Ветхий Завет был преутовлением Нового, и вся Библия для апостола являлась «неумолчным предглаголением христианских тайн или непрерывным пророчеством о Христе Искупителе и Спасителе»⁵³. Эллинское иудейство, исповедующее идею о раскрытии в еврейских священных книгах эллинских истин для Павла чужеродно и тенденциозно, его мотивирующее начало чуждо ему. Таким образом, все соображения, по данной проблеме имеющие место у Глубоковского, приводят его к мысли о самобытности Павловой герменевтики. Также важно различие отношение, как у Павла, так и у Филона к столь фундаментальному понятию как вера. Для второго она была

⁵¹ Там же. С. 41.

⁵² Там же. С. 48.

⁵³ Там же. С. 146.

теоретически-интеллектуальной силой, завершением дидактического подвига. Человек был вершителем процесса прихода к вере, а единственной ее гарантией – его мыслительная способность. Он мог достичь до Бога разумом, путем личной пронизательности, что и приводится в случае с верой Авраама. Для Павла источником веры праотца был Бог и его призыв, его избранничество, вера была отражением воли божией. Отличалось у апостола Павла и Филона Александрийского также понимание Логоса. Логология Филона зиждилась на относительной исключительности Иеговы, без второй соподчиненной реальности, Логос был зависим от мира, он был механическим орудием для частной надобности, тем самым теряя свое творческое влияние. Тем более Филон не отождествляет Логос с мессианской личностью и искупительным делом Богочеловека. В его учении совмещается теистический монизм и философский дуализм⁵⁴. Даже если мы возьмем отношение философа к материи и человеку, мы поймем выведение идеи о восприятии прародителями падшести от материи, в отличие от идеи Павла, который выводил греховную природу от падения человека, от первородного греха, а не от наличия тела. Отсюда, по мнению Глубоковского, следует вывод об отсутствии влияния эллинистического иудаизма на богословие апостола Павла, более того, о противопоставлении двух этих систем в ключевых вопросах учения.

Последним вопросом, рассматриваемым Глубоковским для доказательства оригинальности богословия апостола Павла, становится возможное влияние на него со стороны непосредственно эллинской языческой учености. Данный посыл является серьезным вызовом для исследователей, вследствие не только возможной различности в интерпретации источников и идей, но и их дальнейшего применения для глобальных выводов в столь противоречивой проблеме как генезис христианства и его соприкосновения и развития в чужеродной среде языческой цивилизации. Рациональная критика допускает, «что если

⁵⁴ Там же. С. 347.

Искупитель проповедовал лишь иудейскую веру в простейшей и чистейшей форме, действительным создателем христианской религии был эллинский миссионер»⁵⁵. Безусловно, создавая христианство, Павел руководствовался высокими идеями духовного возвышения человечества, а возможно, посредством трансляции своих идей, и, трансформации политеизма в новой, более правильной форме. Это следует из нескольких моментов – во-первых, апостол был глубоко образован и знаком с греко-римской культурой, с накопленным в ее среде религиозным опытом, что, непременно должно было наложить отпечаток на его понимание Христа, сформировать собственное, отличное от сугубо иудейского представления о вере в Распятого. Во-вторых, на учение Павла могло оказать влияние весьма распространенное в римском государстве этико-философское движение стоиков, проповедующих схожие с христианством жизненные идеалы. И, наконец, третий пункт связан с обрядово-сакраментальной стороной – представление, в том числе догматическое, о таинствах, у Тарсиянина могло возникнуть вследствие соприкосновений с мистериальными культами Эллады и Востока, и реципироваться на христианскую почву в обход туманной, и не вполне определенно интерпретируемой сакраментологии Евангелий. В своем труде, Глубоковский аргументированно, с привлечением большого количества источников, отвечает на поставленные вопросы. Ученый заверяет, что Павел действительно обладал греческой ученостью и разбирался в ключевых философских понятиях эпохи, и как житель Тарса, одного из центров просвещения тогдашнего времени, овладел греческим языком, писал и свободно на нем говорил. Его стиль отличается естественностью и непринужденностью, хоть он и использует риторические приемы, но делает это не ради подражания античным мэтрам, но чисто из практических целей. Он пользуется своим образовательным бэкграундом для «привлечения греческих стихий»⁵⁶, для большего удобства в своей миссии, а не ради

⁵⁵ Там же. С. 815.

⁵⁶ Там же. С. 982.

сознательных заимствований. Нарождающаяся христианская философия требовала терминов, и Павел находил аналогии в греческом языке. Относительно отношения христианства к стоицизму, Глубоковский пишет, о приметных, для невооруженного глаза, сходствах двух учений, однако, при лучшем рассмотрении, можно заметить и глубокие противоречия в их самом духе. Стоицизм пессимистичен, в его понимании судьба неумолима, всюду царствует вседержавный рок, а его мораль порождена гордостью и самообожением, он восхваляет самоубийство и надменную отрешенность от мира. Стоическая этика, не имея религиозной мотивировки и эсхатологической опоры, становится эгоистичною и менее всего подходит христианству⁵⁷. Эллинские, да и восточные мистерии также не могли иметь аналогов в христианском учении о таинствах в своей сути (но не форме), т.к. христианство не было для Павла тайной, оно не носило характер исключительности, быв всеобщим делом, а если он и использует в трудах слово «мистерия», то явно не как обозначение религиозно-церемониального действия. По мнению Глубоковского, все аналогии случайны, и параллели не говорят о соподчиненности⁵⁸, но скорее о желании тенденциозно настроенных критиков создать прецедент там, где его быть не может. Апостол Павел не употребляет греческую философскую терминологию для идейных обоснований, и руководствуется в своей проповеди премудростью не века сего, а Божьей⁵⁹.

Таким образом, отмечая действительность внешних влияний на благовестие апостола Павла, Глубоковский приходит к последнему вопросу в своих фундаментальных богословских исследованиях – как соотносится богословие апостола язычников с учением самого Христа? Известно, согласно церковному преданию, что учение и деятельность Иисуса с полнотой раскрываются в трудах апостолов – а среди них именно Павел

⁵⁷ Там же. С. 1020.

⁵⁸ Там же. С. 1187.

⁵⁹ Там же. С. 1240.

является наиболее известной фигурой древности, и ярче других освещает нам свою эпоху⁶⁰. Его письма являются старейшими документами по истории христианства, да и само христианство усваивалось и усваивается именно в интерпретациях апостола язычников. Соответственно, вопрос соответствия Павла Христу, есть один из самых ключевых для истории религии. По мнению Глубоковского, Павел в своей миссии продолжает дело основателя новой веры, совершает дело, параллельное подвигу Христа. Именно он был устроителем христианства в качестве мировой религии, чему способствовала теоретическая сторона его деятельности, его творчество, раскрывающее идейные христианские начала. Однако, согласно Глубоковскому, апостола неверно позиционировать как теоретического систематика и догматиста, его миссия заключалась не в кодификации учения, а в его пламенной проповеди. Но проповеди того ли самого Иисуса, что согласно евангелиям был распят и воскрес в третий день? Ведь Павел мог представить своего собственного Христа, рассказать свое собственное учение, основанное на личном мифе о Распятом. В таком случае он просто псевдоапостол, не уполномоченный Христом, который мог найти «достаточное количество послушных ему идиотов»⁶¹ и, применяя свой метод универсализма, нести свет учения всем жаждущим, выходя за узконациональные рамки идеи исторического Мессии. И здесь Глубоковский выдвигает тезис о противоречии такого представления закону причинности. Апостол Павел, по его мнению, покоит свою религию на опыте жизни во Христе. Благовестие его основывается на Евангелии, и приспособляется (но не противоречит ему) лишь для универсальной проповеди в мире. Основателем всегда остается Христос, Павел же является только посредником. Он не стремится уклоняться и по-своему толковать то, что он обрел после истинного чуда, после общения с живыми свидетелями, после знакомства с преданием. Апостольское учение было тождественно

⁶⁰ Там же. С. 1242.

⁶¹ Там же. С. 1256.

Христову в целом и в частностях⁶². Именно Павел объединяет исторического Христа с Христом Церкви, именно Павел добавляет особую струю «в общей гармонии дыхания Божьего», именно его благовестие, по-своему происхождению и существу, не бывшее обусловленным продуктом общеисторического и индивидуально-человеческого творчества, служило авторитетным выражением божественной истины Христовой⁶³. Отсюда делается вывод, что и не могло попросту быть «петринизма» и «павлинизма» как противоборствующих партий, ибо, пишет Глубоковский, «все Апостолы — посланники Христовы»⁶⁴.

§ 4. Н.Н. Глубоковский как экзегет Евангелия.

В своих богословских трудах, посвященных евангельским событиям, Н.Н. Глубоковский придерживается идейной позиции, которую мы встречаем в его работах об апостоле Павле. Он рассматривает Евангелия как отраженное в письменной традиции христианство, которое имело, безусловно, небесный характер. Передавая всем жаждущим благую весть, оно открывает подлинную радость и подлинный идеал совершенства, делая все живой реальностью во Христе⁶⁵. Глубоковский вновь проводит яркие параллели с «мертвым иудейством», которое качественно диссонирует с животворящей силой Христова благовестия, которое открывает «таинство искупления человечества от грехов спасительным подвигом всей жизни воплощенного Сына Божия»⁶⁶. Собственно, Евангелие это и есть Христос, но передается он, в деяниях и чудесах, человеческими средствами, в словесном

⁶² Там же. С. 1291.

⁶³ Там же. С. 1298.

⁶⁴ Там же. С. 1306.

⁶⁵ Глубоковский Н.Н. Евангелия и их благовестие о Христе-Спасителе и его искупительном деле. С. 9.

⁶⁶ Там же. С. 11.

воспроизведении, через труды апостолов, к которым он относит и «Евангелие Павла», как соответствующее своим существом духу евангелистов. Однако, данное произведение не строго исторический труд, и не чисто биографический по жанру, ибо для авторов важно было передать не детальную полноту и событийную точность, но, в первую очередь, божественный аспект миссии Христа, показать, как в земном творилось небесное. И отсюда выходит, что критически, а точнее даже просто исторически рассматривать евангельские тексты можно и нужно, но с оговорками, подразумевающими влияние религиозного дискурса на исследовательский процесс. Глубоковский также большое внимание уделяет авторам и авторству канонических Евангелий, тому, для чего и кого они писались, как сопоставлялись между собой. Принимая за авторитет мнения богословов и экзегетов Древней Церкви, он рассматривает традиционное авторство четырех Евангелий как исторически достоверное, как и объективным считает направленность данных священных текстов человечеству во всей его полноте – от евреев до язычников, во исполнение призыва Христа к всемирной проповеди. Соответственно, Матфей, Марк, Лука и Иоанн, каждый из них, исполняли свою миссию в несении благовестия, и особенности каждого из Евангелий, это не противоречия и несоответствия, а скорее своеобразие стиля в угоду тому или иному адресату, это лишь различные грани одной и той же идеи. Глубоковский не отрицает синоптической проблемы, и решает ее сообразно своему богословскому мнению. Живое предание о жизни Христа, безусловно, было, и передавалось между христианами, однако, письменного, да и устного полноценного протоевангелия, скорее всего не было, в первую очередь, за отсутствием достоверных свидетельств существования такового, и отсутствия ссылок на него со стороны апостола Павла. Общим источником для евангелистов признается традиция и их живое участие в жизни Христа и апостольской общины, которая просто по-разному интерпретируется. Синоптические евангелия схожи, но не зависимы друг от друга, они описывают один сюжет,

используют одни фразы, однако данное единство касается исторических стихий – слов, речей и чудес – и всего менее сказывается в описательных изображениях с целью нарисовать историческую обстановку⁶⁷. Глубоковский выступает также против мифологической гипотезы генезиса Евангелий, подразумевая под причиной создания, в том числе религиозного мифа, нехватку в прошлом реальных событий для восполнения необходимых для утверждения авторитета фактов. По его мнению, христианский миф не отвечал своему времени, он не был сообразен с чаяниями народа, из недр которого он вышел, сам образ Христа и его самоопределение не предполагало соответствия духу времени и истории. Конструирование мифа о Христе, таким образом, не было необходимо, поэтому надо признавать историческую данность канонических Евангелий.

Отдельное исследование Глубоковский посвящает Евангелию от Луки, отличающееся от прочих влиянием павлинизма, и, соответственно, близостью научным интересам Николая Никаноровича. В своем труде он рассматривает также книгу Деяний апостольских, относя ее авторством к писателю третьего Евангелия, и отмечая, что две эти книги, составленные Лукой, раскрывают в своей сути одну идею – место христианства в истории и мировом процессе. Самого автора он, по сложившейся традиции (однако, не веря ей слепо, но находя аргументы в новозаветных текстах и только в них), называет образованным греком⁶⁸, объединяющим в себе не только апостола Христова, но и историографа, который создает эссенциально единое произведение. Рассматривая биографию Луки, он называет его врачом, учеником апостола Павла и человеком с широким кругозором, который пишет свой труд, безусловно, опираясь на предшествующую традицию, но своим авторским стилем, характеризующимся хронологической пунктуальностью, и использованием множественности пособий, из которых

⁶⁷ Там же. С. 81.

⁶⁸ Глубоковский Н.Н. Святой апостол Лука - евангелист и дееписатель. С. 12.

является богатый материал⁶⁹. Он пишет свое Евангелие не ради исторического изображения происходивших событий, но доносит до читателей смысл проповеди Христа, ее значение для мира, предназначение для всех тех, кто был «всецело предан Сыну человеческому»⁷⁰. Безусловно, евангелистом был усвоен взгляд и традиция непосредственного учителя и спутника, Павла, однако она не довлеет над ним, не подчиняет его себе, но дополняет и созидает в своем универсальном послыле. Вторая книга, по мнению Глубоковского, также относящаяся к перу апостола Луки, Деяния святых апостолов, также имеют свое историческое назначение – рассказать, как реализовывалось и закреплялось в мире дело Христа, как возростала Церковь, делая тем самым книгу, это описывающее, важным звеном в цепи новозаветных памятников. Именно она раскрывает идею о том, что миссия Христа не была бы полноценной, если бы она не получила продолжения в проповеди апостолов среди людей, причем людей самого разной национальности и положения, о чем свидетельствуют деяния апостола Павла. История проповеди сама становится проповедью и приобретает характер не только рассказа, но и назидания. Глубоковский не сомневается в исторической достоверности книги, более того, он настаивает на том, что Деяния пишет очевидец описанных событий. Интересно и отношение нашего героя к дате написания Деяний, вопросе, вне всякого сомнения, спорном и противоречивом до сего дня. Он соглашается с неверностью ранней датировки (связанной с окончанием самого повествования), но отказывается и в поздней, относя Деяния ко времени, предшествующему разрушению Иерусалима и даже смерти Павла⁷¹, ибо Лука не смог бы умолчать о кончине своего учителя. В доказательство всего вышперечисленного вновь приводится живость апостольской традиции, тесность связей и доступ к точным осведомителям. Интересен также труд Глубоковского,

⁶⁹ Там же. С. 48.

⁷⁰ Там же. С. 67.

⁷¹ Там же. С. 172.

непосредственно относящийся к благовестию Луки, но занимающий отдельное исследование, связанное с Квириниевой переписью⁷², и вопросом объективной датировки Рождества Христова, и, соответственно, рассмотрением евангелий как источника, имеющего историческую основу. Богослов, анализируя источники, приходит к выводу, что Лука, хорошо знавший происходившие события, в том числе, бывшие цензы, не совершал ошибки, ссылаясь на более позднюю перепись Квириния, упомянутую у Иосифа Флавия, но отделял ее, от более ранней, первой переписи, к которой и относил время рождения Иисуса, и которая, номинально нося звание Квириниевой, производилась при легате Сатурнине⁷³, за занятостью Квириния в военной кампании, либо могла быть на стыке двух правлений. Отсюда подтверждается историческое достоинство и неложность писаний Луки, точно передающего и сопоставляющего события священной и профанной истории.

Глубоковским поднимаются и вопросы отношения Христа и Закона, в частности аспект, связанный с процессом развода и прелюбодеянием как его причиной. Ученым проводится серьезный лексический анализ изречений Иисуса в отношении данной проблемы, находятся аналогии (на греческом языке) подобных речевых оборотов в текстах Нового Завета, рассматривается сама проблема развода в ретроспективе истории иудаизма, а также ее понимания со стороны раввинов и христианских богословов. Автор проводит параллели между отношением к разводу со стороны западных и восточных христиан: у католиков более юридическое понимание проблемы, они рассматривают брак как добровольное соглашение, благословленное Церковью, тогда как православные видят в нем более таинство,

⁷² Глубоковский Н.Н. О Квириниевой переписи по связи ее с Рождеством Христовым. СПб., 1913. 59 с.

⁷³ Там же. С. 47.

воспроизведение отношений «Господа и Его Церкви»⁷⁴. Здесь зрится явное противопоставление законнической точки зрения, подразумевающей важность самого акта, а не причины, к нему приведшей, ибо Христос говорит о греховности того, отчего следует развод, т.е. прелюбодеяния. В данном случае именно Закон выступает с более «либеральных» позиций, провоцирующих своим нейтральным отношением к расторжению брака большие грехи, в отличие от слов Иисуса, в которых он ограничивает причины до единственной. В итоге даже хуже (здесь Глубоковский апеллирует уже к святоотеческой традиции), если муж и жена находятся в браке, совершая прелюбодеяние, но не расторгают его, ибо тем «делаются нечистыми»⁷⁵. Но также непозволительно (и здесь явна антизаконническая направленность), если муж отпускает целомудренную жену, например, только из собственной прихоти, т.к. склоняет ее ко греху, и вводит в грех того, кто с ней сойдется. Важен также момент, оговаривающий, условно говоря, проявление икономии по отношению к совершившему прелюбодеяние – если он осознал неправоту и не упорствует в грехе, возможно проявление милосердия, вопреки действию закона.

Также интересно исследование Глубоковским наличия «чудесного» в Евангелии, против чего так активно выступала рационалистическая критика, и здесь в пример можно привести его критико-экзегетический очерк о Преображении. Западные ученые выдвигают гипотезу о неапостольском происхождении данного события, его исторической неправдоподобности и недостоверности, а также отнесении написанием к более позднему времени, для формирования представления о божественности Христа. Если же подобное событие и могло произойти, то не в том виде, в котором его преподносят синоптики, т.к. видевшие могли, и скорее всего, неправильно

⁷⁴ Глубоковский Н.Н. Развод по прелюбодеянию и его последствия по учению Иисуса Христа. С. 25.

⁷⁵ Там же. С. 43.

поняли увиденное⁷⁶, возможно, находясь в состоянии сонном, с плохой концентрацией. Глубоковский решительно и вновь протестует против критических аргументов, находя свои доводы, о чем сам и говорит, в здоровой логике и церковной традиции. Апостолы никак не ожидали увидеть Христа во славе, ибо на словах он готовил их к своему страданию, как не могли быть в состоянии сна и помутнения, ибо облик Иисуса пробудил и поразил их, о чем они впоследствии рассуждали, и что могли обдумать и осознать до передачи другим ученикам. Преображение не может быть субъективным видением апостолов, не может быть их неестественной реакцией на чересчур белые одежды учителя в свете восходящего солнца вкупе с повышением его голоса, метаморфоза Иисуса — это явно не миф и не аллегория, но, как подчеркивает Глубоковский, «фактическое заверение в действительности Его божественного происхождения»⁷⁷.

Рассматривается богословом и вопрос истории ключевого для христиан таинства евхаристии, учрежденной, согласно Священному Писанию, Христом на тайной вечери. Глубоковский ставит вопрос о дате еврейской Пасхи и ее соотношениями с написанным у синоптиков и Иоанна, которые в этом аспекте разнятся, но и примиряются ученым на основании правильной расстановки акцентов – первые говорят о самом празднике, а «любимый ученик Христа» о вкушении пасхального агнца, которое могло быть и после самого дня. Второй немаловажный отдел книги посвящен полемике с проф. Хвольсоном и его мнением о виновности в смерти Иисуса исключительно саддукеев, «корыстолюбивых священников-аристократов», и соответственно, невиновности простых евреев и фарисеев, как невиновны «немцы в казни Гусса или французы — Людовика XVI-го»⁷⁸. Христос же, наоборот, находился в согласии с учением фарисейства, которое к тому же не обладало

⁷⁶ Глубоковский Н.Н. Преображение Господа (Критико-экзегетический очерк). С. 4.

⁷⁷ Там же. С. 58.

⁷⁸ Глубоковский Н.Н. О пасхальной вечери Христовой и об отношениях к Господу современного ему еврейства. С. 40.

достаточной властью для совершения суда, а негативные упоминания о книжниках и законниках в Новом Завете – это частности либо позднейшие вставки, вследствие более позднего характера написания евангельских текстов. Однако бесспорные для Глубоковского по своей историчности канонические благовестия пишут об определяющей роли фарисейства как в религиозной и общественной жизни Израиля, так и в противодействии проповеди «Сына человеческого», в их яром неприятии его возможной экстраординарности и мессианства. Простой же народ также не хотел видеть помазанника «мужем скорбей», но «утехой Израилевой», и не мог в большинстве своем признать Иисуса обетованным царем. Примером типичного отношения фарисея к новой вере и к ее основателю автор приводит апостола Павла, гонителя и обидчика христиан, который лишь через «смерть закона» пришел к истинному пониманию Распятого.

Рассмотрев многие экзегетические богословские труды Н.Н. Глубоковского, мы должны подвести некий итог его исследовательской деятельности. Николай Никанорович, обладая ярким литературным талантом и ученой проницательностью, прекрасным знанием языков и всесторонней эрудированностью, был виднейшим представителем, флагманом отечественного богословия и библеистики, действуя, однако, в рамках исключительно религиозного дискурса и православной традиции в противовес неприемлемой им рационалистической критике западной науки.

Глава 3. Н.Н. Глубоковский как церковный историк.

§ 1. Жизнь и труды Феодорита Кирского как предмет исторических исследований Глубоковского.

Николай Никанорович Глубоковский оставил обширное научное наследие не только как выдающийся богослов, но и как разноплановый

историк, затрагивающий в своих исследованиях вопросы, не ограничивающиеся одной эпохой или одним жанром. Он изучал как персоналии, их вклад и влияние на историю, так и явления и процессы, изменившие и изменяющие исторический процесс во всем его масштабе. Его интересовала, в первую очередь, история христианской Церкви, которой он и посвятил большее количество своих исторических трудов, в коих рассматривались биографии выдающихся, с его точки зрения, церковных деятелей, а также более частные проблемы, связанные с современными ему процессами, вплоть до бытовых аспектов. Одним из фундаментальных трудов, стала его магистерская работа, посвященная известному иерарху и богослову христианской Церкви, епископу Феодориту Кирскому, жившему в пятом веке нашей эры в византийской Сирии. Его работа распадается на две части, в которых он поочередно разбирает жизнь данного мужа и его творчество, изучает не только профессиональные, но и человеческие качества, что, в свою очередь, помогает определить нам талант, глубину и объективность изысканий самого Глубоковского. Описывая жизнь Феодорита с рождения, историк делает акцент на окружающей его, родившегося в Антиохии, культурной обстановке. Родина богослова была одним из крупнейших центров христианского мира, где сталкивались цивилизации, взгляды и мировоззрения, присутствовала благодатная для ученого человека почва культурного плюрализма и противоположных мнений, помогающих закаляться в полемике. Глубоковский охотно доверяет преданию о рождении Феодорита, «своим бытием, всецело обязанного милости Небесной»⁷⁹ и молитвам подвижников, а, говоря о детстве своего героя, выводит из него назидательные моменты, связанные, например, с влиянием вычурного внешнего вида матери (после покаявшейся в излишнем стремлении к внешней красоте) на ее глазную болезнь⁸⁰. Он ведет свое повествование

⁷⁹ Глубоковский Н.Н. Блаженный Феодорит, епископ Киррский. Т. 1: Жизнь блаженного Феодорита, епископа Киррского. С. 4.

⁸⁰ Там же. С. 7.

скорее согласно законам житийного жанра (чем полноценного исторического исследования основанного на источниках, а не благочестивых преданиях), рассказывая, однако не о святом, но об уважаемом им образце человека – разносторонне образованном, «преданном науке», которым он, безусловно, искренне восхищался. Однако не людская мудрость так возвышает Феодорита, хоть он и был напитан светским знанием, воспитан ораторами и софистами, имея к тому же природные таланты, но его главное стремление к знанию о Христе. Деятельность «Кирского пастыря» описывается также ярко и патетично, восхваляя его многочисленные добродетели и устремления: тут и нежелание принимать епископское достоинство за отсутствием желания властвовать, природная скромность и жертвенность в служении людям. Занимая должность епископа Кира, он участвует не только в духовной жизни города, но и в общественно-социальной, лоббируя важные инициативы по строительству бани и водопровода, повышая своей педагогической деятельностью и приглашением в городок риторов и учителей образовательный уровень горожан. Глубоковский восхваляет заботу Феодорита о низших слоях населения, восхищается непрерывным ходатайством власть предержащих в связи с бедственным положением людей и налоговым гнетом, а говоря о его духовной деятельности, вообще называет своего героя «идеальной личностью»⁸¹, молитвенным отшельником и нестяжателем, участливым к нюансам жизни паствы, активным и удачным борцом с ересями, действующим не силой, но увещеваниями. Здесь усматривается, конечно, некоторая идеализация, или, говоря более нейтрально, явное импонирующее личностное отношение автора труда о нем, который, делает выводы, не имея подчас необходимых источников, исходя из собственных, сформированных представлений о герое и его потенциальных поступках, создавая, таким образом, некое подобие панегирика.

Однако, при всей положительности личностных характеристик, на биографии Феодорита Кирского остается пятно, омрачающее отношение к

⁸¹ Там же. С. 45.

нему людей православной традиции, - это, несомненно, его близость к несторианству, и, лично, к его основателю. Глубоковский смело отвечает на данный вопрос, отвергая конструктивную критику в главном – его герой, хоть и был знаком с Несторием, и называл его другом (что было скорее вежливым оборотом, но не заверением действительно близких отношений), но занимал такую позицию исключительно из противоборства монофизитству, как совершенно неприемлемому пониманию природы Христа, к тому же отвергаемую его родной, Антиохийской богословской школой, делающей акцент именно на человечности Бога. Выступая против анафематств Кирилла Александрийского, он противостоял возможному возрождению «нечестивого учения Апполинария»⁸², и защищал не еретика Нестория, но посягательства на правую веру, таким образом, неправильно поняв адресат послания. Полемика Феодорита возможно и несколько туманна в формулировках, однако это скорее неправильно выраженные термины, чем общий неправильный посыл, который, не был отличен от канонического понимания Христа. Глубоковский в своих размышлениях, затрагивая острые догматические преткновения, приведшие к Эфесскому и Халкидонскому соборам, делает основной акцент в корне спора на неправильных трактовках и желании защитить чистоту исповедания, но никак не о принципиальности расхождения во взглядах, и идейным примирителем он называет именно Феодорита, приводя в пример его позицию, выражаемую в богословских трудах и частной переписке, и делая ему большую честь называться истинным светочем Церкви, но никак не сподвижником ересиарха. Однако в историческом развитии конфликта мы находим роль Феодорита именно как еретика, обвиняемого известными церковными мужами в уклонении от чистой ортодоксии. На данные нападки его апологет отвечает усилением влияния монофизитских тенденций, в том числе, в среде византийского политикума, и соответственно, большей важности человеческого фактора, нежели высоких религиозных материй. На окончательную же

⁸² Там же. С. 68.

дискредитацию и низвержение с кафедры, по мнению историка, повлияла, в том числе, «богатая казна Александрии»⁸³, которая более не могла терпеть своего вечного критика и догматического оппонента, добиваясь, таким образом, удаления Феодорита в изгнание и снятие с него сана. Таким образом, герой исследования Глубоковского, становится жертвой придворных интриг и мести, со стороны враждебно настроенной партии. Лишь претерпев испытания и хулу, Феодорит, надо сказать, при содействии римского епископа (которого, он воспринимает отнюдь не за первенствующего иерарха Церкви, но лишь как одного из ее членов)⁸⁴, возвращается в родной город Кир. Даже обращаясь за помощью к римскому папе, это Глубоковский подчеркивает, блаженный муж заботиться не о себе и своем достоинстве, но о торжестве истины, терзаемой еретиками. В самые тяжелые моменты жизни он остается верным своим идеалам, преданным делу вселенской Церкви, быв «всем вся, чтобы спасти всех»⁸⁵, и по убеждению историка, заслуживает звание «апостола» в монофизитский период пятого века. Память покойного, однако, тревожится через сто лет после его кончины, в результате активности монофизитов и их желания в очередной раз уязвить пастыря – используя ложь, басни и поклепы, вычлняя выражения и осудительные сентенции из контекста его трудов. Глубоковский упрекает Юстиниана, созвавшего собор по вопросу о «трех главах», в числе которых был и Феодорит, в униальных стремлениях и потворстве жене и еретической партии, в надежде скрепить крошащуюся империю, в политической ангажированности решения религиозных вопросов. Однако, все сознательные ухищрения над образом и взглядами Кирского пастыря, все преувеличения его мнимой ложности в области исповедания веры, со временем меркнут, и в истории он остается

⁸³ Там же. С. 196.

⁸⁴ Там же. С. 240.

⁸⁵ Там же. С. 303.

«догматическим авторитетом; наряду с великими светилами вселенной его превозносили, превозносят и будут превозносить»⁸⁶.

Во второй части своего фундаментального исследования, Глубоковский рассматривает Феодорита Кирского как писателя – богослова и историка, без сомнения, величайшего для своего времени. Он отмечает в его творчестве универсальность метода и глубину мысли, и ставит его в один ряд с известными отцами Церкви, а самого оценивает как последнего представителя золотого века церковной литературы⁸⁷. Одним из важнейших направлений литературной деятельности Кирского архипастыря был экзегезис священного писания, который, как направление богословских исследований, был близок и для самого Глубоковского. Русский ученый выделяет основные качества Феодорита, являющиеся и для него определяющими во всяком изучении Библии – это объективный источниковедческий анализ (с установлением авторства текста, его достоверности и времени написания) и доверие «боговдохновенности»⁸⁸, тем непреложным истинам, которые явлены через откровение. Однако данное знание не должно восприниматься как переданное механически, важно также учитывать «человеческий фактор», то, как оно преломлялось в глазах «богоносных мужей», не лишенных в своем творчестве самостоятельности, личных качеств, образования и влияния временного контекста. Феодорит, относящийся к Антиохийской традиции, в своем критико-текстуальном анализе чужд ее мертвого буквализма, как отдален он и от туманности и надуманности Александрии. Он берет лучшее от двух традиций, и, присовокупляя к этому свои огромные познания ученого-универсалиста, выводит толкования, служащие, в первую очередь, практическим целям, доступности текстов читающим. Интересна параллель Глубоковского

⁸⁶ Там же. С. 349.

⁸⁷ Глубоковский Н.Н. Блаженный Феодорит, епископ Киррский. Т. 2: Литературная деятельность блаженного Феодорита, епископа Киррского. С. 1.

⁸⁸ Там же. С. 15.

методов прошлого на реальность его времени, в частности, сравнение экзегезиса Феодорита с исследованиями немецких богословов, отличающихся «скрупулезными и мало понятными филологическими изысканиями», в то время как его герой, чуждый школьной замкнутости и партийной нетерпимости⁸⁹, усматривает не только «деревья, но и лес, что за ними находится»⁹⁰. Конечно, книги Феодорита не могут ставиться в ряд с нынешними научными трудами, вследствие колоссальных достижений в области библеистики и трансформацией самого метода исследования, но для своего времени, он был безусловной величиной, выходящим за рамки традиций и нашедшим свой путь, с минимумом «наносных гаданий и неожиданных комбинаций», что делает ему честь именно как ученому.

Также Феодорит являлся догматистом и полемистом, написавшим огромное количество, как дошедших, так и утраченных работ, посвященных борьбе с разнообразными ересями, и досконально рассмотренных Глубоковским в своем труде. «Защитника православия» отмечает строгая последовательность в споре⁹¹, отсутствие пассивности в угоду наступательным действиям, использование большого количества отеческих свидетельств. Более всего интересна его полемика с Кириллом Александрийским, и монофизитами, как его идейными, хоть и в некотором искажении, наследниками. В своем произведении «Эранист», эдаком диалоге православного с еретиком, Феодорит выступает не против святого Кирилла, но против его недостойных эпигонов, только по внешнему учению на него походивших, без наследования духа и глубины учителя. Он не выступает, как пишет автор, сторонником одного течения против другого, но уравнивает формулы Антиохии и Александрии, указывает настоящие смыслы, в противовес человеческому мудрованию. Догматика Феодорита является

⁸⁹ Там же. С. 65.

⁹⁰ Там же. С. 28.

⁹¹ Там же. С. 86.

образцом православной строгости и обузданием суемудрия⁹², а никак не голосом еретической партии.

Также Глубоковский отдельной главой рассматривает исторические сочинения Феодорита Кирского, остающиеся важной частью его литературного наследия, главным образом, знаменитую «Церковную историю». Подробнейше разбираются хронологические рамки написания, достоверность написанного и цель труда, которая, учитывая общее направление исторической науки того времени, хоть и была несколько опрошенной (а именно целью тут видится восполнение пробелов прошлых историков), но достигнутой Феодоритом с умением, и даже выходом за рамки тривиального переписывания. Собственно, Глубоковский задает важный вопрос – а можно ли рассматривать Феодорита именно как историка, а не только хронографа, в нашем, современном смысле, можно ли опираться на его труд как на исторический источник. И здесь, несомненно, показателен, через отношение к «Церковной истории», общий вектор мысли Глубоковского относительно всей исторической литературы, написанной в православной традиции за авторством церковных авторитетов. Феодорит пишет не просто историю, но историю именно Церкви, которая священна, где каждое историческое событие «управляется Творцом и Владыкою всяческих»⁹³. Он видит историческое развитие с позиций дуализма, порожденного непрестанной борьбой добра со злом, желанием дьявола навредить роду человеческому. Соответственно, политические события, так или иначе, но связаны с данным борением, как связаны они с самой священной церковной историей, и интересны лишь в переплетении с ней, как то, что замедляет или ускоряет собой шествие Царствия Божьего. Таким образом, история входит в священное и вневременное пространство церковного универсума, а не наоборот. Такое понимание исторического процесса прямо не разделяется Глубоковским, но и не отвергается им.

⁹² Там же. С. 178.

⁹³ Там же. С. 253.

Проанализировав источниковедческую базу Феодорита, он приходит к мнению, что последний использовал достаточное количество предшествовавших ему исторических трудов, но делал это выборочно и объективно, стараясь обходить стороной фантазии и легенды, сложившиеся за годы, прошедшие с момента реально происходивших событий. Также русский историк не усматривает так часто акцентированного на Западе сходства Феодорита с константинопольскими коллегами, Созоменом и Сократом Схоластиком, таким образом, устраняя вопрос о плагиате. «Кирский пастырь» самостоятелен и оригинален, хоть и не лишен некоторых ошибок, в частности, в области фактологии и общей связности событий⁹⁴, и подверженности авторитету «антиохийских мужей». Он не скрывает неприятия к Феодориту со стороны протестантских ученых, видящих в его трудах «поповские истории» и «религиозные фантазии»⁹⁵, однако не усматривает в них серьезного удара по репутации, признавая, что мерилom для него была лишь православная вера, а истина не носила профанный характер. Однако думается, с таким подходом и методологией, Феодорита характернее называть именно церковным историком, относящимся к определенной традиции, разделяющим определенные ценностные установки, и доверять изложенным им фактам нужно лишь с оглядкой на соответствующее влияние его убеждений (взять хотя бы известный сюжет с последними словами Юлиана Отступника о «победе Галилеянина», которые мы объективно не можем верифицировать, за отсутствием должного количества языческих источников). Глубоковский называет использованные его героем источники почтеннейшими авторитетами, однако так же легко их можно назвать вполне ангажированной традицией, и тогда проблема вновь уходит в область терминологии, и далее, приверженности определенной методологической (хоть некоторые и поспорят, что это слово можно употреблять в данном контексте) парадигмы. Для Глубоковского, на

⁹⁴ Там же. С. 292.

⁹⁵ Там же. С. 317.

основании проведенного им исследования, переработки огромного количества источников, Феодорит Кирский остается величиной и светочем православия, его богословия, и его истории. Для критика, принадлежащего любому другому «лагерю» он вполне может остаться еретиком и посредственным компилятором. Однако, самому Николаю Никаноровичу, при всем его импонировании изучаемой персоналии, нельзя отказать в основательности и серьезности в подходе к историческому анализу как текстов, так и самой эпохи.

§ 2. Работы Н.Н. Глубоковского по истории христианства.

Основной темой для исторических работ Глубоковского оставалось место христианства в истории, его миссия в мире, ценность ортодоксального «благовестия» во все исторические периоды. Многие его работы представляют собой даже не типичные в нашем понимании исторические научные труды, но заметки, этюды и статьи о насущных церковных проблемах, в большей степени, связанных с православием. Глубоковский передает, в первую очередь, свои впечатления и рассуждения, основанные на жизненном и религиозном опыте, подкрепленные огромным образовательным бэкграундом. Одной из главных задач для него является формирование правильного и объективного представления о православии и русской Церкви, история которой, за множество столетий, в глазах как иностранцев, так и соотечественников обросла множеством предубеждений. Восточное христианство, для несведущего, неуглубленного в знаниях человека, может представиться сплошным суеверием, в котором необъяснимые формулы и символы совмещаются с католическим ритуализмом, а модели отношения с внешним миром варьируются от папистического иерократизма до деспотичного цезаризма светской власти над религией, представляя, таким образом, царство мрака и нетерпимой

тирании⁹⁶. Однако, Глубоковский настаивает, что такое понимание сплошь испещрено стереотипами, и исторические события, связанные с православной Церковью интерпретируются неверно. Византийское государство не использовало Церковь в своих целях, но помогало сохранять ее в чистоте и ортодоксии, а за мнимым национализмом поместных Церквей стоит стремление к самобытности, не исключающее, но вмещающее живую стихию веры. Вера православная есть древняя и апостольская, основанная на традиции, без привнесения человеческих мудрований: в чем-то на нее похож протестантизм, который можно рассмотреть как возврат к православию. Однако в нем, вера смешивается с рациональным элементом, в то время как православие по природе своей иррационально и преемственно. Более сложное отношение Глубоковского к католичеству, которое, по его мнению, стремится к всемирному обладанию. Изначально апостольская и епископская, Римская Церковь развращается рабской покорностью и приматом своего первосвященника, что в дальнейшем вызывает протест, вылившийся в «реформацию и галликанство»⁹⁷. Однако, папство вновь облекается в могущество, набирает силу и представляет угрозу православию, долг которого самозащититься и охранять истину. Даже в своих более поздних выступлениях, поднимая тему христианского единства и солидарности, так необходимой в эпоху притеснения русского православия, Глубоковский, упоминая такие понятия как христианское братство, единое богосыновство и унионализм, допускает его лишь для верующих, согласных с догматами православия, или близких к ним, но никак не к тем, кто, создавая

⁹⁶ Глубоковский Н.Н. Православие по его существу. С. 3.

⁹⁷ Глубоковский Н.Н. Возрождение папства и его настоящее положение по сравнению с прошлым. С.16.

собственные, искусственные истины, пришел к конфессиональному шовинизму⁹⁸, ибо христианство есть жизнь, а не школьная доктрина⁹⁹.

Близкой темой для Глубоковского было положение и значение русского белого духовенства в истории, в том числе, потому что он испытал на себе (по своему происхождению и трудным детским годам), все особенности бытия рядовых священнослужителей. По его мнению, люди забывают и попирают факторы, важные для их существования, в том числе деятельность православного духовенства, заключающуюся в преобразовании человеческого существа. Глубоковский также выделяет несколько сюжетов, показательных для понимания роли духовенства, - это и влияние Церкви на становление русской государственности, в котором большое значение имела миссия простого духовенства на местах, и освящение семейной и личной жизни русских людей, воспитание в них человеческого достоинства. Неоценим вклад духовенства в укрепление единства страны в годы смут и лихолетий, роль Церкви как центроостремительной силы, а духовности как объединяющего начала. Герой нашей работы задается вопросом – «Кто простого поселянина дивно преображает в неодолимого героя как не сельский батюшка?»¹⁰⁰. Однако народ не платит духовенству тем же, он склонен преувеличивать его грехи и недостатки, хоть и должен видеть и понимать, нищенствующее, «тяглое» положение многих священников, их бесправное и угнетенное состояние. Духовенство разделяет жизнь с обычным человеком, и он должен отвечать своим духовным учителям взаимностью, а не поруганием.

Работы после эмиграции наполнены живой участливостью и искренними переживаниями о том, что происходило в покинутом им

⁹⁸ Глубоковский Н.Н. Христианское единение и богословское просвещение в православной перспективе // Путь. № 4. С. 140.

⁹⁹ Там же. С. 143.

¹⁰⁰ Глубоковский Н.Н. Православное русское белое духовенство по его положению и значению в истории. С. 9.

Отечестве, какое положение занимала Церковь и вера православная. Он осуждает происходящие события, и не разделяет восторгов, говорящих о торжестве справедливости и правды с приходом большевиков. Безусловно, многие обвиняли Церковь в пособничестве тиранической власти, однако, рассуждает Глубоковский, даже в столь подчиненном положении она сохраняла свою независимость, разделяла с народом и рабочим людом все тяготы, и не была его врагом¹⁰¹. В этой связи интересна и неожиданна реакция Глубоковского, находящегося «в беженстве», на декларацию митрополита Сергия (Страгородского), воспринятую негативно не только в эмигрантской среде, но и на Родине богослова. Многими она рассматривалась как акт о капитуляции, подчинение безбожной и богоборческой власти, признание себя лояльной режиму, который уничтожал саму Церковь, ее святыни и видных представителей. Однако, Глубоковский видит в этом документе, в первую очередь, снятие с «советской» Церкви ответственности за то, что происходит и декларируется в русской Церкви зарубежом, позиционирующей себя с достаточно контрреволюционными и антисоветскими убеждениями. В таком положении, в силу самого своего существования в Советском Союзе, Церковь находиться просто не могла, ибо должна была продолжать свою миссию, а не быть просто гонимой мученицей; выработать позицию, схожую с местом Константинопольского патриархата под игом османов. «Это неполный мир, но, может быть, путь к миру внутри Церкви, пребывающей под советской властью и зарубежом»¹⁰². Высказыванием такого мнения, Глубоковский показывает себя человеком, оценивающим события не только с позиций собственных личных переживаний, но и с высоты исторической целесообразности, вынужденным

¹⁰¹ Глубоковский Н.Н. Рабочий социализм и Русская Православная Церковь // Богословский журнал «Странник». № 1. Май, 1924. С. 29.

¹⁰² Глубоковский Н.Н. О «Декларации» митрополита Сергия // «Россия». Париж, 3.09.1927.

считаться с реальным положением вещей, а не с иллюзорными стремлениями горячего сердца.

По схеме своей магистерской диссертации рассматривает Глубоковский жизнь и деятельность архиепископа Смарагда (Крыжановского), почитающегося им за выдающегося и исключительного иерарха, принимавшего решающее участие в событиях церковной истории, и собственно, своей биографией, помогающего исследователям понять знаменательные явления, случившиеся в XIX веке. Автор вновь создает свою историю в несколько восторженных тонах, явно намереваясь (как и в случае с блаженным Феодоритом) писать апологию не слишком популярного святителя (чего стоят упоминания о нем в «Мелочах архиерейской жизни» Н.С. Лескова). Глубоковский вновь делает акценты на внутренних качествах человека, основанных на искренней православной вере, духовном стремлении к Богу и ревности в служении Церкви. Смарагд, в протяжении всей своей жизни, от простого монаха и до архиепископа стоял за правое дело, выступал за объективную справедливость, хоть и имел, это историк признает, достаточно сложный, но твердый характер (здесь, конечно, в ход идут эвфемизмы). Герой церковной истории XIX столетия не мог замалчивать неправду, его окружающую, но противодействовал ей, и в том заключалась трагедия его жизни¹⁰³, ибо за то властные люди гнали его без отдыха с места на место. Надо отдать должное Глубоковскому, он представляет своего героя многогранным и разносторонним человеком, выполняя по-своему неблагодарную миссию защитника противоречивой личности, однако, за явными отрицательными чертами, к коим еще современниками относилась «грубость и суровость», всегда усматривает человеческий фактор и неблагоприятные обстоятельства, а не особенности характера самого Смарагда. Впрочем, и современники не лишали его положительных характеристик, искренней расположенности к людям, деятельной

¹⁰³ Глубоковский Н.Н. Высокопреосвященнейший Смарагд [Крыжановский], архиепископ Рязанский, его жизнь и деятельность. С. 5.

энергичности. С признанием Глубоковский упоминает деятельность архипастыря по возвращению в лоно православия отпавших полоцких униатов, которых последний привлекал снисхождением и человеколюбием, но никак не угрозами, что, однако не мешало ему называть сам город Полоцк «гадким и несносным»¹⁰⁴, бывшем «гнездилищем лукавых и враждебных воспитанников езуитских»¹⁰⁵. Особым попечением была забота Смарагда и о духовенстве, особенно бедном и нуждающемся, о его нравственном состоянии, что доходило, впрочем, и до «крутости мер», когда епископ «не щадил жезла своего»¹⁰⁶, совмещая с желанием внутреннего изменения провинившегося свои внешние прещения. Смирнял архиерей и «монашескую гордость»¹⁰⁷, заботился о раскольниках и учебных заведениях, но всяких раз, получая «уважение и почет», встречал неприязненные чувства со стороны влиятельных личностей, и переводился на новые кафедры. Вырисовывая общую картину исторической личности, да впрочем, и занимаясь проблемами явлений и процессов в истории, Глубоковский всегда старался быть объективным и нелицеприятным судьей; однако, принимаясь восстанавливать прошлое с позиции живших тогда современников, он, порой сам того не замечая, становился на одну из сторон, не побоюсь этого слова, очаровываясь только положительными качествами личности или плюсами процесса, несколько умаляя (ни в коем случае, не замалчивая, или сознательно обходя) отрицательные аспекты. Здесь нет места пристрастности, хоть некоторые ее и найдут, скорее тут явен живой интерес и искренняя увлеченность, которых не лишен каждый из историков, и которые не всегда помогают ему в столь сложном деле реконструкции ушедшего времени.

¹⁰⁴ Там же. С. 84.

¹⁰⁵ Там же. С. 90.

¹⁰⁶ Там же. С. 181.

¹⁰⁷ Там же. С. 230.

§ 3. Работы Н.Н. Глубоковского по истории богословия.

Важной частью наследия Глубоковского как историка, остаются его работы по изучению богословской науки в «ее развитии и новейшем состоянии». Одним из фундаментальных трудов, уникальным в своем роде, является работа, посвященная русской богословской науке¹⁰⁸. Ставя задачу в полноте рассмотреть историю русского богословия как научного знания, комплексно представить все богатство исследований в разных областях теологии, Глубоковский создает некий компендиум, в котором дает емкое и скрупулезное представление об известных (и основных) направлениях отечественного богословия. Им поднимается вопрос генезиса русского богословия, факторов, обусловивших его оригинальное развитие и нынешнее положение, а также наличие проблем и препятствий для большего прогресса. За отсутствием долгое время столь важных условий для развития как наличие специальной богословской школы (связанной с развитием профессионального духовного образования) и аудитории, которая могла воспринимать и усвоить результаты изысканий, русская теология стала делать успехи достаточно поздно, не была систематизирована и должным образом спонсирована, а оставалась «индивидуальным влечением»¹⁰⁹ энтузиастов. Однако, даже несмотря на неблагоприятность условий и не слишком удачные исторические обстоятельства, богословие в России добилось определенных успехов в различных направлениях церковных дисциплин (Автор относит к богословию также историю, церковное право и библеистику, как то, что непосредственно относится к христианскому бытию). Глубоковский поочередно рассматривает весь комплекс богословских наук, связанных с ними исследователей, с их трудами и точкой зрения, соглашаясь, или наоборот, критикуя те или иные положения, тем самым, давая нам полное

¹⁰⁸ Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Варшава, 1928. 115 с.

¹⁰⁹ Там же. С. 7.

представление о своем личном отношении, как к историческому развитию богословия, так и к его современному положению. Рассматривая исследования по догматике, Глубоковский признает (эта тенденция будет прослеживаться и в описании других «наук»), что для отечественного автора ближе функция собирателя знаний, нежели его творца. Признавая за основу догматического богословия «православность», Глубоковский критикует ранних писателей этого направления за «книжную безжизненность» и «научную схоластику»¹¹⁰, которую они привнесли в живую систему, основанную на реальном историческом опыте и практике Церкви, а не только на теории. Также автором делается вывод о самом значении догмата в жизни верующего человека, который познает его в своем религиозном опыте, и находит доказательства своей веры в практике религиозной жизни. В излишней схоластике и казуистике Глубоковский также обвиняет исследователей нравственного богословия, которые рассматривают отвлеченные области общего понимания нравственного, вместо раскрытия библейской сущности проблемы, которая заложена в Законе Божьем. Такие практические области богословия как пастырство и гомилетика, по мнению Глубоковского, в своем историческом развитии и изучении также не были лишены отрицательного налета «теоретичности», отсутствия привязки к реальностям церковной жизни и историческому опыту. Основой для богословской науки должно стать «живое свидетельство» о Христе, ибо оно первично, хоть в сути своей и не отменяет вспомогательных аспектов, помогающих в понимании веры, таких как философия, или сравнение с другими конфессиями. Особое внимание в данном труде уделяется библиологии, как науке, непосредственно и прямо связанной с изысканиями Николая Никаноровича. Российскую действительность отличает приверженность славянскому тексту, его сакрализация, вплоть до попытки, по примеру католичества, его официальной канонизации при обер-прокуроре Протасове, однако, постепенно, намечаются положительные, по мнению

¹¹⁰ Там же. С. 8.

Глубоковского, тенденции к разномыслию, к использованию оригиналов, как на греческом, так и на еврейском языках, и в целом, к критическому подходу. Необходимо сохранять исторический фактор, рассматривать даже священный текст как источник, созданный людьми и распространённый среди них. Однако важнейшим критерием для изучения библейских текстов является верность Преданию, которое должно оставаться отправной точкой в исследованиях, но не заключительным пунктом. Так, знаменитый исследователь древней Церкви, В.В. Болотов, несмотря на верность традиции, проводил собственную реконструкцию событий¹¹¹. Изучая «отцов Церкви», занимаясь вопросами патристики, мы не должны заикливаться исключительно на их биографии, но передавать доктринальные воззрения, разделяемые, изучаемой личности. Само понятие «отец Церкви», согласно Глубоковскому, неотрывно связано с церковным преданием, которое веками хранится и передается последующим поколениям. Патристические труды не есть обычная литература, но в своей миссии прослеживает для читающих развитие понимания истины в разные времена, служит практическим целям, в том числе, воспитанию благочестия. Рассматривает Глубоковский и относительно новые церковные науки, такие как сектоведение, историю расколов и единоверия, а также литургику и церковную археологию, которым, по его мнению, не уделяется должного внимания. Вместе с тем, та же литургика в своем научном смысле более чем перспективна, ибо «возводит наше благоговейное безотчетное уважение к церковному обряду на степень его исторического понимания и сознательного к нему отношения»¹¹². В целом же, несмотря на неравномерное и противоречивое историческое развитие отечественной богословской науки, ее явные проблемы и сложность политической обстановки в стране (Глубоковский пишет во время революционных потрясений), дальнейшие перспективы присутствуют, ввиду стройного организма церковной науки, его единства, а также отсутствия

¹¹¹ Там же. С. 63-65.

¹¹² Там же. С. 64.

враждующих партий внутри. Православное русское богословие в своей истории являет живое учение, а не школьную доктрину (хоть и данные минусы имеют место быть), и, изучая предмет, всегда ищет его идейную основу, а не только лишь форму.

Важный труд, где затрагиваются исторические проблемы богословия, главным образом в контексте его развития и положения в духовной школе¹¹³, относится ко времени работы Предсоборного Присутствия, и составляется Глубоковским из своих же фрагментарных сообщений, докладов и заметок, в которых он отвечал на злободневные и актуальные проблемы духовного образования. Цель написания была сугубо практическая, ученый руководствовался вопиющей проблемностью данной области, острой потребностью в назревшей реформе. Естественно, что Глубоковский, рассматривая исторический контекст и внешние обстоятельства, ставил и отвечал на вопрос сущностный, внутренний, затрагивая самый нерв проблемы. По его мнению, основной целью получения богословского образования была и остается подготовка духовно зрелых людей, для их дальнейшего служения Церкви. Собственно, задаваясь таким вопросом, он относил его ко всему духовному образованию вообще, к его назначению и миссии. Духовная школа должна выпускать не просто богословски образованных людей, но тех, кто сможет свои знания применить на практике церковной жизни. Нынешнее же образование имело ряд существенных проблем, мешающих исполнению изначального посыла. Семинария, как и школьное богословие, представляет собой олицетворение архаики и обветшалого жизненного уклада. Теология (во всей полноте наук, в нее включаемых) в России лишена систематичности, особенно в образовательной среде, в ней нет преемственности, взаимной связи и дружеского вспомоществования¹¹⁴. Она скорее представляет собой конгломерат

¹¹³ Глубоковский Н.Н. По вопросам духовной школы (средней и высшей) и об учебном комитете при Святейшем Синоде. С. 142-143.

¹¹⁴ Там же. С. 23.

напластований и наслоений, в котором не чувствуется основы библейского источника. Богословию нужно вернуть Библию, как его идейную основу, расширить ее преподавание в историческом и филологическом аспектах. Проблему «мертвости» и нежизнеспособности русской теологии может решить научный метод в изучении церковных вопросов, например, в таких важных проблемах как «исторический Христос», понимание Евангелия как источника, восстановление исторического контекста самой эпохи. Во внешних формах существования богословской науке нужна свобода и независимость, особенно от церковной власти, в ней должно быть меньше ограниченных истолкований религиозных истин. Также богословию должна быть представлена автономия в педагогическом аспекте, солидарность с другими науками и взаимная польза от их достижений, но без излишнего давления светскости. Ум должен помогать сердцу¹¹⁵, освободиться от замкнутости (в том числе и сословной), а богословская мысль стать открытой для всех. Однако Глубоковский подчеркивает, что не должна забываться истинная сущность богословской науки, которая всегда и исключительно церковна, и практически служит делу церковной миссии. Исторически, богословие не отделяется от мирских наук, ибо в построении своих гипотез и теорий, некоторые из них также не опираются на факты, но являются скорее искусством и ремеслом (здесь он приводит в пример медицину). В этом его принципиальная позиция – он не относит богословие (несмотря на его «церковность» и практическое целеполагание) к отдельному миру, не связанному и отделенному от окружающих стеной схоластики и витиеватой догматики, но ставит его в ряд с другими. Любое знание не лишено тенденции (даже тенденциозности) и определенных целей, как, собственно, и богословие, поэтому вполне логично, если оно будет преподаваться в светских вузах, даже если исторически такой традиции не было. В этом смысле интересен вопрос о возможности присуждения Духовными Академиями ученых степеней по философии и другим, «дружественным»

¹¹⁵ Там же. С. 5.

светских наукам. Надо сказать, что Глубоковский именно в связи с богословием, к философии относился достаточно скептически, считая ее скорее конкурирующим знанием, противопоставляющим человеческие (вместо божественных, полученных через откровение) ответы на вечные вопросы бытия. И поэтому, вторжение Церкви в область философии, науки светской, как и обратно, приход последней в специфические теологические споры, в которых умудренные философы начинают «заправлять», неуместно и бесполезно, посредством данной инфильтрации нарушается обособленный смысл существования¹¹⁶. Отсюда Глубоковским выводится и ответ – если кто-то хочет получить степень по светскому предмету, пусть идет в светский вуз. Вообще такая постановка проблемы и ответ на нее свойственен во всех трудах Глубоковского. Он отстаивает независимость церковного (в первую очередь, богословского и исторического) знания, без его активного вторжения в светское пространство, но и отрицательно относясь к изоляции и маргинализации клерикального института. Церковь через свою историю, сакральную в своей сути, через свою науку, основанную, на аксиоме божественной догмы, доносит до людей непреходящую истину, и они, должны ее слышать в наиболее оптимальном формате – доступной, компетентно поданной, обладающей силой жизни, т.е. актуальной для всех времен, в том числе для настоящего.

Заключение.

Проанализировав ключевые богословские и исторические труды Н.Н. Глубоковского, и выявив основные идеи, декламируемые им через свои

¹¹⁶ Там же. С. 73.

работы, мы можем сделать выводы о нем как об ученом-исследователе. Посыл его творчества в своем стремлении личен, в нем чувствуется не просто желание написать научную работу, но написать, пропустив через горнило собственной заинтересованности. Глубоковский высказывается по вопросам, которыми он жил, и в которые верил, в этом преимущество его трудов, но также и ахиллесова пята. Взять столь любимый им объект как богословие и саму личность апостола Павла, - ведь он не преминет упомянуть нюанс с ним связанный, и в труде о Евангелиях, и в академической речи перед семинаристами, столь сильно он переживал взаимосвязь «Тарсиянина» с «Распятым». Импонирование рождает пристрастность, а пристрастность может родить необъективность, что повергает основной принцип историка, сформулированный еще Тацитом – видеть прошлое «sine ira et studio», т.е. без гнева и пристрастий. Впрочем, здесь ставится вполне логичный, и, наверное, самый важный вопрос, можно ли называть Глубоковского ученым в светском смысле. Ведь одним из основных критериев для такого рода занятий является приверженность факту, который можно позитивно доказать, т.е. во главу угла ставится сама его научность. Рассуждая над этой темой, мы приходим к еще более сложному вопросу – можно ли называть богословие наукой. То, что люди, исповедующие определенную (например, христианскую) веру считают данную область знанием, вполне ясно, однако, нужно подробнее рассмотреть *источник* данного знания. И ответ нам дает сам Н.Н. Глубоковский, размышляя в одной из своих речей о сущности теологии, - он указывает на то, что богословская наука, человеческими средствами постигает нечеловеческое и надмирное – Бога¹¹⁷, как объект своей веры, и источником своим имеет также его. Можно говорить о том, что это является собственно аксиомой, на которых основано также все светское знание, но принципиален сам момент основы аксиомы на метафизическом, а отнюдь не физическом,

¹¹⁷ Глубоковский Н.Н. Академические обеты и заветы // Богословский вестник. Т. 4. № 4. 2004. С. 387.

хоть последнее и всячески используется, но не в качестве краеугольного камня. Это не умаляет богословия, научных достижений его подразделов, таких как библеистика, или церковная история (в которых также много потрудился наш герой), но определяет ему определенную нишу. Эта область отделена от светского пространства (согласно Глубоковскому, в том числе потому, что человек пока не может до конца постичь величие Бога), но не вступает с ним в конфронтацию, не пытается его опровергнуть, но *разумно* использует достижения науки, для собственной пользы. В смешении нет нужды, ибо, говоря словами Евангелия, нужно отдавать «Божие Богу, а кесарево – кесарю», как нет нужды в полном копировании научных методов, ибо таким образом умаляется уникальность самого богословия, в своих «эволюционистских» потугах нисходящего на землю (здесь можно провести параллель на желание протестантских теологов обосновать и доказать все и вся, пусть даже прибегая к мифологизации). Однако, не смешиваясь, богословию, да и самой Церкви необходимо выйти из своеобразной клерикальной «башни из слоновой кости», стать доступнее и актуальнее, творить новое, учитывая опыт предшественников¹¹⁸. В этом своеобразном девизе Глубоковского можно услышать и пророческие слова в будущее – не забывая своих основ и традиции, нужно уметь видеть перспективы и возможности, и, если мыслить в церковном и богословском контексте, использовать их *ad majorem Dei gloriam*.

Источники и литература.

Источники.

1. Глубоковский Н. Н. Академические обеты и заветы: [Богословие как наука; Во имя академических заветов] / Предисл. иером. Петра

¹¹⁸ Там же. С. 383.

- (Еремеева), публ. подготовлена иером. Леонтием (Козловым). М. Тихоновым // Богословский вестник 2004. Т. 4. № 4. С. 379 - 391.
2. Глубоковский Н.Н. Благовестие св. Апостола Павла по его происхождению и существу. Библейско-богословское исследование. Кн. 1: Введение. Обращение Савла и «Евангелие» св. апостола Павла. «Евангелие» Павлово и иудейско-раввинское богословие, апокрифы и апокалиптика. СПб.: Тип. Монтвида, 1905. 890 с.;
 3. Глубоковский Н.Н. Благовестие св. Апостола Павла по его происхождению и существу. Библейско-богословское исследование. Кн. 2: «Евангелие» св. апостола Павла и теософия Филона, Книга Премудрости Соломоновой, эллинизм и римское право. Заключение. СПб.: Тип. Монтвида, 1910. 1307 с.
 4. Глубоковский Н.Н. Блаженный Феодорит, епископ Киррский: Его жизнь и литературная деятельность: Церковно-историческое исследование. Т. 1-2. М.: Унив. тип., 1890. Т. 1: Жизнь блаженного Феодорита, епископа Киррского. 349 с.
 5. Глубоковский Н.Н. Блаженный Феодорит, епископ Киррский: Его жизнь и литературная деятельность: Церковно-историческое исследование. Т. 1-2. М.: Унив. тип., 1890. Т. 2: Литературная деятельность блаженного Феодорита, епископа Киррского. 510 с.
 6. Глубоковский Н.Н. Возрождение папства и его настоящее положение по сравнению с прошлым. Воронеж: тип. В.И. Исаева, 1891. 47 с.
 7. Глубоковский Н.Н. Евангелия и их благовестие о Христе-Спасителе и Его искупительном деле. М.: Изд. КБ МДА и Фонд «Серафим», 2005.
 8. Глубоковский Н.Н. О Квириниевой переписи по связи ее с Рождеством Христовым. СПб.: Тип. Акц. Об-ва "Петр Барский в Киеве", 1913. 59 с.

9. Глубоковский Н.Н. О пасхальной вечери Христовой и об отношениях к Господу современного ему еврейства. СПб.,: Тип. А. Катанского и Ко. 1893. 70 с.
10. Глубоковский Н.Н. По вопросам духовной школы (средней и высшей) и об учебном комитете при Святейшем Синоде. СПб, 1907. 148 с.
11. Глубоковский Н.Н. Православие по его существу // Церковь и время. № 1. 1991. С. 3-18.
12. Глубоковский Н.Н. Православное русское белое духовенство по его положению и значению в истории. Петроград: Синодальная типография. 16 с.
13. Глубоковский Н.Н. Преображение Господа (Критико-экзегетический очерк). М.: Университетская типография, 1888. 91 с.
14. Глубоковский Н.Н. Рабочий социализм и Русская Православная церковь // Богословский журнал «Странникъ». № 1. Май, 1924. С. 27 - 29.
15. Глубоковский Н.Н. Развод по прелюбодеянию и его последствия по учению Иисуса Христа. СПб.: Типография А.Л. Катанского и Ко", 1895. 100 с.
16. Глубоковский Н.Н. Святой апостол Лука - евангелист и дееписатель. София, 1932. 200 с.
17. Глубоковский Н.Н. Христианское единение и богословское просвещение в православной перспективе // Путь. № 4. Июнь-июль, 1926. С. 139 - 144.

Литература.

1. Богданова Т.А. Из академических "историй": замещение кафедры церковного права в Московской Духовной академии в 1910 году // Вестник церковной истории. № 1. 2007. С. 31 - 77.
2. Богданова Т.А. Н.Н. Глубоковский. Судьба христианского ученого. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 1006 с.
3. Богданова Т.А. Н.Н. Глубоковский: путь церковного учёного (по архивным материалам) // «Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга» / под ред. И. П. Медведева. СПб., 2004. С. 119—171.
4. Богданова Т.А., Клементьев А.К. Из семьи Глубоковских // Глагол времени: Исслед. и мат-лы: Ст. и сообщ. межрегион. науч. конф. «Прокопиевские чт.». Вологда, 2005. С. 417-437;
5. Богданова Т.А., Клементьев А.К. Н.Н. Глубоковский и неудавшаяся попытка объединения в 1918 г. Петроградской ДА и Петроградского ун-та // С.-Петербургский университет. 2004. № 7. 19 марта. С. 42-45;
6. Богданова Т.А., Клементьев А.К. Уроженец Сев. Фиваиды: (К 140-летию со дня рожд. Н. Н. Глубоковского) // Православный Путь. 2003. С. 150-204;
7. Боголюбов Н.М. Образ Иисуса Христа в "Жизни Иисуса" Э. Ренана и Д. Штраусса. Чернигов: тип. Губ. правл., 1912. 114 с.
8. Болотов В.В. Отзыв о соч. Н. Глубоковского «Блаженный Феодорит, еп. Кирский: Его жизнь и лит. деятельность: Церк.-ист. исслед.» // Христианское Чтение. 1892. Ч. 2. № 7-8. С. 58-164;
9. Виноградов Н.И. Критико-библиографическое изложение статьи г. Глубоковского Преображение господа ["Правосл. обозрения" №№ 8 и 10-й]. М.: Унив. тип., 1889. 35 с.
10. Глубоковский Н.Н. Академические обеты и заветы. М.; Сергиев Посад, 2005. 149 с.

11. Заозерский Н.А. Точный смысл и значение апостольского 34-го правила: [По поводу ст. проф. Н. Глубоковского: "Смысл 34-го апост. правила". Богосл. вестн., июль-август]. Сергиев Посад: тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1908. 23 с.
12. Игнатъев А. Памяти Н.Н. Глубоковского // «Журнал Московской Патриархии». 1966. № 8. С. 57-77
13. Карташев А.В. Путеводитель по русскому богословию // Вестник РХД. №11. 1928. С. 18-20.
14. Мелихов В.А. Н.Н. Глубоковский, проф. СПбДА: По поводу 25-летия его ученой деятельности. Харьков, 1914.
15. Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 832 с.
16. Муретов М.Д. Протестантское богословие до появления Штраусовой Жизни Иисуса (общая характеристика). Сергиев Посад: 2-ая типография А.И. Снегиревой в Сергиевом Посаде, 1894. 116 с.
17. Полотебнов А.Г. Святое Евангелие от Луки: Православное критико-экзегетическое исследование против Ф.Х. Баура. М., 1873. 160 с.
18. Поснов М.Э. Библиография: Н.Н. Глубоковский, ординарный профессор Императорской Санкт-Петербургской духовной академии. «Благовестие святого апостола Павла по его происхождению и существу». Киев, 1914. 9 с.
19. Поснов М.Э. О личности Основателя христианской церкви : изложение и краткий разбор рационалистических, мифологических и натуралистических воззрений на лицо И. Христа // Христианское чтение. 1910. № 7-8. С. 983-999.
20. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями. СПб.: тип. СПб. т-ва "Труд", 1900. 279 с.
21. Сорокин Вл., прот. Заслуженный проф. Н.Н. Глубоковский и его рукоп. наследие: (К 50-летию со дня кончины) // 1000-летие

- Крещения Руси: Междунар. церк. науч. конф. М., 1989. Ч. 2. С. 322-327;
22. Сосуд избранный. История Российских духовных школ. СПб.: Изд-во Борей, 1994. 464 с.
23. Стефан (Георгиев), митр. Проф. доктор Н. Н. Глубоковский: Надгробное слово // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1937. № 6/7. С. 14-18.
24. Тарасова В.А. Профессор Н.Н.Глубоковский и реформа высшей духовной школы в России в конце XIX - начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2001. № 4
25. Штраус Д.Ф. Жизнь Иисуса / Пер с нем. В. Ульриха; Ренан Э. Жизнь Иисуса / Пер. с фр. Е. Святловского. Харьков: Фолио; М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ", 2000. 992 с.
26. Штраус Д.Ф. Старая и новая вера / Пер. с нем. под ред. Е. Шехтера. СПб.: тип. И.Г. Брауде и К°, 1907. 260 с.
27. Юревич Д. Проф. Н. Н. Глубоковский: библиист, опередивший время: (к 140-летию со дня рожд.) // Церк. вестн. СПб., 2003. № 12. С. 29-33; 2004. № 1-2. С. 43-48;